

Т. К. ШАФРАНОВСКАЯ

ЧУДЕС

ПАЛАТА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Э Т Н О Г Р А Ф И И И М . Н . Н . М И К Л У Х О - М А К Л А Я

Т. К. ШАФРАНОВСКАЯ

ЧУДЕС ПАЛАТА

РАССКАЗЫ О ВЕЩАХ,
ХРАНЯЩИХСЯ
В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА I
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1967

Ответственный редактор
Т. В. СТАНЮКОВИЧ

Предисловие

Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР — богатейшая сокровищница культуры и быта народов мира. Немногие зарубежные этнографические музеи можно поставить в один с ним ряд по количеству и разнообразию коллекций. Унаследовав фонды основанной в 1714 г. Петровской Кунсткамеры, музей многократно умножил их. Пополнению его фондов содействовали академические комплексные экспедиции XVIII—XX вв., отечественные ученые и путешественники. Богатейшие коллекции по культуре и быту народов Камчатки поступили в музей от С. П. Крашенинникова; по народам Поволжья — от П. С. Палласа; Океании, Полинезии — от Ю. Ф. Лисянского, Ф. П. Литке и Н. Н. Миклухо-Маклая; по народам Северной и Южной Америки — от Л. А. Загоскина, Н. Г. Вознесенского, Г. И. Лангсдорфа; Центральной и Средней Азии — от В. В. Радлова, П. К. Козлова, Н. М. Пржевальского, С. Ф. Ольденбурга, М. С. Андреева; по народам Сибири — от Д. Г. Мессершмидта, В. К. Арсеньева и многих, многих других.

В настоящее время фонды Музея антропологии и этнографии насчитывают свыше 400 тысяч предметов. В основном этнографические коллекции отражают культуру и быт народов, в особенности самобытную, в ряде случаев ныне истребленную колонизаторами материальную культуру, народное искусство и быт в недавнем прошлом колониальных и зависимых стран.

Экспозиция музея прошла в своем развитии ряд стадий, соответствующих уровню науки того времени. В первые десятилетия XVIII в. не все экспонаты имели равное научное значение (например, живые монстры, анатомические композиции и др.), не соответствовало профилю музея и его часто вычурное оформление.

Однако в целом с первых же лет существования просветительное значение выставленных в музее коллекций было

очень велико. Великая Октябрьская социалистическая революция превратила музей в народное достояние и создала лучшие перспективы для его дальнейшего развития.

Наличие разнообразных коллекций позволило создать глубоко научную экспозицию, раскрывающую такие интересные проблемы, как происхождение человека, основные этапы развития первобытного общества, происхождение религии, и дать всестороннюю характеристику культуре и быту коренного населения Австралии и Океании, Южной и Северной Америки, народов Африки, Индии и Индонезии, Передней и Средней Азии.

Собрания музея используются также для построения временных выставок, знакомящих с ходом борьбы зависимых стран за национальное освобождение, а также с культурой и бытом народов этих стран.

Контингент посетителей музея очень широк: рабочие и служащие, учащиеся и ученые самых различных специальностей. Историки и экономисты изучают по коллекциям музея экономику первобытного общества и этнографию народов мира; археологи — условия залегания палеолитических стоянок, первобытные орудия и способы изготовления их; слушатели партшкол и народных университетов атеизма — материалы по происхождению религии, первобытным верованиям и современным культурам. Художники и деятели кино изучают одежду, интерьер и другие стороны быта различных народов; художники-текстильщики — ткани; специалисты по искусству — изделия народных мастеров, и т. д.

В настоящем сборнике, написанном на основе богатейших коллекций Музея антропологии и этнографии, читатель найдет ряд очерков, характеризующих первые десятилетия работы старейшего отечественного музея — Петербургской Кунсткамеры, историю отдельных экспонатов, а также отдельные стороны культуры и быта некоторых народов Африки, Австралии и Океании, Индии, Индонезии и Дальнего Востока.

Этнография — одна из наиболее миролюбивых наук. Она призвана изучать и знакомить народы друг с другом, прививает уважение к самобытной национальной культуре больших и малых народов и тем самым способствует укреплению мира во всем мире.

Т. В. Станюкович.

ЧУДЕС ПАЛАТА

Кому неизвестны строчки из басни И. А. Крылова
«Любопытный»:

«Пряатель дорогой, здорово! Где ты был?»
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменьья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!»

Басню эту Иван Андреевич написал в 1814 г. — ровно через сто лет после основания первого русского музея — Кунсткамеры.

Уже в начале XVIII в. в Кунсткамере можно было увидеть самые разнообразные редкости и диковинные вещи, собранные к тому времени неутомимыми стараниями Петра I. Помещался музей в доме с башней на берегу Невы, недалеко от стрелки Васильевского острова. С постройкой дома связана легенда. Однажды Петр I шел среди высоченных сосен, росших тогда на стрелке. И вдруг — что это? Перед ним стоит уродливая сосна: ветка ее выросла полукольцом в ствол и была похожа на дужку от амбарного замка. Петр велел срубить сосну, ствол со странной веткой сохранить, а на месте сосны заложить здание для Кунсткамеры. Петр заботился, чтобы в музее было больше посетителей, и велел выдавать им по чарке водки и «цукерброду». А на угощение «знатных персон» каждый год казна выделяла немалую по тому времени сумму — 400 рублей.

В августе 1964 г. Музей антропологии и этнографии имени Петра I, возникший из Кунсткамеры, отмечал свое 250-летие. Свыше трехсот гостей принимали участие

в праздновании юбилея. Это были гости из разных краев нашей страны, из многих стран мира. Они с восхищением проходили по музейным залам, останавливались перед витринами, где хранятся уникальные коллекции знаменитой Петровской Кунсткамеры. На торжественном заседании ученые Чехословакии и Румынии, Франции и Финляндии, США и Дании и многие другие отдали дань неутомимому труду русских ученых и путешественников, собравших бесценные коллекции одного из крупнейших этнографических музеев мира.

Ветка, похожая на дужку от амбарного замка.

250-летний юбилей — событие наших дней. И, оглядываясь на четверть тысячелетия назад, интересно узнать, какие впечатления оставались у очевидцев, осматривавших Кунсткамеру в первые десятилетия ее существования. В литературе первой половины XVIII века наиболее подробное, сейчас полностью забытое описание осмотра Кунсткамеры оставил француз Обри де Ламотрэ.

Он не был ни первым, ни единственным иностранным гостем новой русской столицы. Но его описание интересно тем, что оно подробно характеризует музей в первые годы его существования.

Приведем некоторые сведения об этом авторе. Обри де Ламотрэ родился во Франции в 1674 г. Протестант по вероисповеданию, он, опасаясь преследований на родине, еще в юности переселился в Англию. Двадцати двух лет (в 1696 г.) Ламотрэ предпринял путешествие по Италии, по северному побережью Африки и по европейским владениям Турции. Позднее он знакомился с северными странами Европы: Швецией, Пруссией, Россией, Польшей. Странствования продолжались 33 года (до 1729 г.). Не раз возвращался Ламотрэ в Англию, бывал в Голландии, Дании и на родине во Франции. Умер он в Париже в 1743 г.

Ламотрэ подробно записывал путевые впечатления. Свои записи он обработал и опубликовал в двух обширных трудах. Книги о путешествиях Ламотрэ издавались

Здание бывшей Кунсткамеры — сейчас Музея антропологии и этнографии им. Петра Первого

роскошно, на хорошей бумаге и с гравюрами знаменитого художника Уильяма Хоггарта (1697—1764 гг.).

Интересовали Ламотрэ главным образом города, исторические памятники, быт и нравы населения. Он встречался со многими известными деятелями своего времени и записывал события из их жизни.

В 1726 г., после путешествия по Пруссии, Ламотрэ направился в пределы России. В его записках интересны сообщения о русских городах. Прежде всего он познакомился с Ригой. Затем путь шел по направлению к Дерпту (Тарту). Впереди предстояла переправа через Чудское озеро и осмотр Пскова. Отсюда можно было ехать прямо в Петербург. Но купцы, с которыми Ламотрэ совершал путь, посоветовали ему побывать еще в Новгороде. Пребывание в Пскове и Новгороде дало обильный материал для записей о прошлом двух старинных русских городов, о православных обрядах, церквях и монастырях.

Ламотрэ покинул Новгород на барже, спускавшейся по Волхову. Судно было нагружено медом, воском, кожей — наиболее ходкими русскими товарами. Берега реки, как писал путешественник, занятые обработанными полями, производили отрадное впечатление. Прошли мимо Старой Ладogi, Новой Ладogi, и затем баржа вошла в Ладожский канал, прорытый на протяжении 70 верст. После этого вышли в Ладожское озеро по временному соединению незавершенного канала с озером и оказались вскоре возле высоких стен Шлиссельбурга, хорошо защищенных многочисленными пушками.

Ламотрэ слышал от людей, ехавших вместе с ним, что проведение Ладожского канала стоило жизни 80 000 человек. Но в 1726 г. над дальнейшим сооружением канала трудилось ничтожное количество рабочих. Екатерина I, как писал Ламотрэ, опасаясь возмущения, не хотела злоупотреблять прежними жестокими мерами.

Ламотрэ составил подробное описание Петербурга. Он дал представление прежде всего о Петербургском, или Троицком, острове — площади возле крепости с торговыми рядами и другими постройками самой крепости. Далее следует описание Адмиралтейского острова и прилегающих к нему мест. Наконец, рассказ о Васильевском острове. Немало сведений сообщил Ламотрэ и об окрестностях Петербурга.

Для нас особенно интересны наблюдения Ламотрэ, относящиеся к Академии наук и к ее музею Кунсткамере. На Петербургском острове, к северо-востоку от Петропавловской крепости, говорит автор, расположен ряд домов. Частично они построены из кирпича. Академия наук, устроенная по образцу Королевской академии во Франции, проводит свои заседания в доме, принадлежавшем ранее Шафирову. В нем же происходит обучение юношей. Академия находится здесь до завершения постройки великолепного, предназначенного для Академии и ее музея здания, заложенного Петром I.

На Адмиралтейском острове внимание путешественника привлекли в особенности дворцы знати, выстроенные вдоль Невы. Подробные сведения приводит Ламотрэ и о Летнем дворце и окружающем его великолепном саде. После этого, пишет Ламотрэ, можно перебраться через большой канал (Фонтанку) и побывать в императорской библиотеке, где хранятся также коллекции древностей и любопытных вещей — естественных и искусственных. Музейные коллекции в 1726 г. размещались в палатах Кикина (здание палат Кикина около Смольного сохранилось до наших дней).

Хранителем библиотеки и других ценностей был придворный врач Арескин. После его смерти заведование перешло к Шумахеру. Деревянный дом Шумахера находился возле кирпичного здания с редкостями. Надо было только перейти двор. Редкости и библиотека находились в этом помещении в ожидании достройки нового здания для Академии.

В первую очередь была подробно осмотрена библиотека. Она состояла, как писал Ламотрэ, в основном из книг покойного герцога Курляндского и герцога Голштинского. Из Голштинии книги были получены Петром I вместе со знаменитым Готторпским глобусом. Особенно заинтересовали Ламотрэ рисунки художницы Мериан. На них были прекрасно изображены растения и насекомые, а также уродливые куколки, превращавшиеся в красивейших бабочек.

Непосредственный осмотр музейных коллекций Кунсткамеры начинался с богатейшего собрания образцов зародышей человека и животных, в том числе обезьяны. Все это находилось в банках со спиртом. В числе других препаратов особенное внимание Ламотрэ при-

влек мальчик, примерно девяти месяцев, с двумя головами.

Гордостью Петровской Кунсткамеры был знаменитый кабинет Ф. Рюйша с множеством назидательных и любопытных препаратов, прекрасно сохранявшихся в спирте. В Академии читались лекции по анатомии. Между тем раньше русские едва ли знали что-либо об этой науке, кроме ее названия.

Долго разглядывал Ламотрэ череп и желудок великана Буржуа. Его черепные кости срослись полностью. Буржуа страдал из-за этого невыносимыми головными болями и умер 42 лет.

В числе препаратов имелся летающий «дракон». По мнению Ламотрэ, это была ящерица с небольшими крыльями, которые не могли ее поднять на воздух и служили, вернее всего, для плавания. Затем ему показали саламандр, о которых ходили легенды, что они остаются живыми в огне. Но Ламотрэ было известно, что саламандры не горят долго в огне благодаря особой жидкости, которую они выделяют из тела. Очень хорошо были представлены в музее змеи, например гремучие, с раздвоенными хвостами. Все это сохранялось в спирте в прекрасном виде и казалось совершенно живым.

Ламотрэ познакомили и с образцами животных, хранившихся в сухом виде. Особая порода зайца, значительно отличающаяся от других. Зверь из Индии, похожий на лисицу. Райская птица будто бы без лапок — на самом деле она только втягивает лапки в тело или под кожу подобно тому, как черепаха скрывает голову под панцирем. Казуарий, напоминающий страуса.

Среди новейших искусственных произведений Ламотрэ поразили прекрасно сделанные модели кораблей и галер с мельчайшими подробностями. Здесь же находились многочисленные очень интересные математические инструменты, приобретенные Петром I в Англии и во Франции. Ламотрэ заинтересовала еще модель портика готического собора. Ему объяснили, что эта вещь была привезена еще Иваном Грозным после Ливонской войны.

Посетителю музея показывали самородок золота, найденный в Сибири, и золотой песок, обнаруженный недалеко от Каспийского моря. Ламотрэ уверяли, что множество подобного золотого песка было найдено в реке

«Дарье». Тут демонстрировалось еще железо, добытое возле Онежского озера. Из него делали пушки, не уступавшие по качеству бронзовым. Находившийся в музее серебряный ключ города Дербента Ламотрэ даже зарисовал, и рисунок был воспроизведен на одной из гравюр в его книге.

В числе древностей, найденных в Сибири, обращала на себя внимание мраморная урна красивой расцветки с синими и красными прожилками. Любопытны были многочисленные идолы и сосуды для жертвоприношений с неразгаданными надписями. Многие из них были найдены возле Каспийского моря.

На Васильевском острове Ламотрэ удивило величие дворца Меншикова и грандиозное сооружавшееся тогда здание Кунсткамеры с обсерваторией. В это здание, стоявшее пока в лесах, Петр I намеревался перевести музей, библиотеку и, по его мысли, там же должна была разместиться Академия.

Ламотрэ осматривал коллекции Кунсткамеры через двенадцать лет после основания музея. Но ему ни разу не показалось, что новый музей беден или обладает недочетами сравнительно со старыми западноевропейскими музеями, хорошо ему известными. Французский путешественник завершает свои записки словами восхищения деятельностью Петра I, содействовавшего развитию просвещения в России, и в частности приобретению музейных коллекций.

Таковы личные впечатления путешественника XVIII века, осматривавшего Кунсткамеру в первые годы ее существования — почти два с половиной века тому назад.

СОКРОВИЩА КУНСТКАМЕРЫ ПО РИСУНКАМ XVIII ВЕКА

Развернув «Санкт-Петербургские ведомости» 7 декабря 1747 года, читатели увидели сенсационное сообщение: «В прошлую субботу по утру в пятом часу учинился в палатах императорской Библиотеки и Кунсткамеры под кровлею пожар, который через малое время так сильно

распространился, что никоим образом не возможно стало палат спасти...». В газете говорилось, что погибли астрономические инструменты, что пострадал громадный Готторпский глобус. Главные утраты, по сообщению в газете, состояли еще «в некоторых китайских вещах, платье, идолах и подобных курьезностях». Свидетелем пожара был М. В. Ломоносов. В записке «История академической канцелярии» он сообщал: «Погорело в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с сибирскими и китайскими вещами». Причиной пожара Ломоносов считал неисправность печей и дымоходов. «Разные были о сем пожаре рассуждения, — писал он, — говорено и о Герострате, но следствия не произведено никакого». По словам Ломоносова, истинные потери скрывались.

Казалось бы, что после пожара последующие поколения никогда не смогут восстановить, какие именно вещи собирались в начале XVIII в. в первом русском музее и как эти вещи выглядели. Но в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР хранятся пять больших коробок из прочного картона. По своему внешнему виду они напоминают тома больших книг прошлых веков. Крышки коробок обтянуты кожей с золотым тиснением. За массивными крышками находятся превосходные акварельные рисунки экспонатов Кунсткамеры. Выполнены они в два срока: 1732—1735 и 1749—1752 гг.

Рисунки говорят о том, что Кунсткамера для своего времени была действительно «чудес палата». Самые разнообразные коллекции были собраны в начале XVIII века. Петр I, распространявший просвещение в России, заботился и о накоплении коллекций в первом русском музее. Он сам привез первые вещи: полученную им в музее в Копенгагене половину окаменелого хлеба и деревянную обувь, которую носили датчане. Тогда же Петр передал в качестве ответного дара этому музею русские лапти. Рисунки окаменелого хлеба и обуви сохранились. Во время похода в Персию Петр I не забывал о Кунсткамере и «указал отослать в куншткамер для куриозите» деревянное блюдо с серебряным ключом города Дербента. По приказу Петра I в музей были присланы медные ядра, которыми в 1723 г. стреляли «кызылбаши у персидского города Зинзили» (Энзели на южном берегу Каспийского моря) по русским судам.

Бронзовый жертвенник сако-усуньского времени. (Из коллекций Кунсткамеры XVIII века).

Как «куриозные» вещи хранились в Кунсткамере лосевые перчатки, обгаренные кровью Карла XII, золотой кубок, из которого Карл пил перед смертью, его шпоры и трость.

Петр I придавал большое значение естественным и историческим наукам. Он увлекался медициной, и по его указам собирались многочисленные монстры — уроды человеческие и животные.

Рисунки говорят и о том, что зоологические коллекции были чрезвычайно разнообразными. На них изображены змеи, ящерицы, хамелеоны, жабы, крокодил, бабочки, кузнечики, а также рога различных животных и бивень нарвала. Значительным было также собрание разных измерительных приборов.

Не менее богаты были и этнографические коллекции. Различные предметы были собраны для характеристики быта и культуры народов европейской части России, Сибири и зарубежных стран. Наиболее полно были представлены коллекции, отражающие культуру и быт народов Поволжья. На рисунках изображены мужские и женские татарские одежды с вышивкой, их головные уборы, пояса, украшения, старинное оружие. Встречаются красивые вышитые платки с геометрическим орнаментом.

Очень интересны коллекции, собранные в Сибири. Большая часть из них поступила в Кунсткамеру в 1727 г. от Д. Г. Мессершмидта после его восьмилетней поездки по Сибири. В этом собрании имелось бронзовое оружие — клевцы, найденные в сибирских погребениях, а также кинжалы, наконечники стрел, железные стремяна, металлические фигурки, украшения, бронзовые зеркала, глиняные сосуды прекрасной формы.

Очень много вещей тунгусов (эвенков). На рисунках изображены одежды тунгусов, их головные уборы из беличьего меха, рукавицы. Встречаются изображения шаманских бубнов, их одежды и головных уборов. Представлены также промысловая одежды ненцев из рыбьей кожи и детская меховая одежда.

Поражает разнообразие предметов из зарубежных стран: персидские ножи, обувь, перчатки; турецкие головные уборы; испанское оружие; французская обувь; многочисленные вещи из Индии, Японии, Китая (керамика, фарфор, бронзовые изделия, одежда, обувь, украшения, оружие). Интересны индонезийские изделия из

высушенных цветочных бутонов гвоздичного дерева. Богатой была алеутская коллекция: копья, метательные дощечки, стрелы, кожаные байдарки. Среди первых коллекций Кунсткамеры были и вещи из Южной Америки.

Даже такой краткий обзор рисунков, сохранившихся в архиве, показывает, что коллекции Кунсткамеры в первой половине XVIII века были обширны и разнообразны. Рисунки опровергают установившуюся в первой половине XIX столетия точку зрения, что Кунсткамера — это собрание коллекций, приобретенных в западноевропейских странах. Музей «раритетов», казалось бы случайно собранных коллекций, препаратов в спирте, поданных назидательно для «любопытных посетителей», предстает в другом свете. Рисунки показывают, что внимание художников привлекали преимущественно предметы, собранные в России. В музее собирали не только экспонаты, знакомящие с природой всего мира вообще, с «искусственными вещами» различных стран. В нем шла целеустремленная работа по познанию нашей страны, нашей Родины.

Казалось бы и все о рисунках. Но некоторые рисунки подписаны художниками. По архивным материалам удалось выяснить, кто были эти художники, где они работали в годы создания рисунков. Они обучались в рисовальной и гравировальной палатах при Академии наук. Непосредственно при Кунсткамере и библиотеке состоял с 1733 г. Андрей Греков, с 1735 г. — Яков Нечаев, а с 1746 г. вместе с ними работал Иоган Беркхан. Жалованье художники получали небольшое, его не хватало на жизнь (квартиру им предоставляла Академия). Нередко ученики нуждались в самом необходимом и подавали в Академию отчаянные прошения такого рода: «Имею я, низжайший, крайнюю необходимую нужду: не только в одежде и обуви претерпеваю немалую нужду, но и дневную пищу по сие время едва пробавлялся и одолжал весьма неоплатными деньгами... того ради канцелярию Академии наук всепокорно прошу... выдать мне на счет моего заслуженного жалования из книжной палаты десять календарей, и чтоб мне от таких бедностей напрасно не умереть» (при отсутствии в кассе Академии денег жалованье ее сотрудникам выдавалось академическими изданиями — чаще всего это были календари на текущий год).

Обучали молодых художников гравированию на меди, а летом в «длинные дни» они упражнялись в рисовании с натуры. Распорядок дня для них был очень строгий. Летом они занимались с шести утра до восьми вечера, с коротким перерывом на обед, а зимой учение начиналось в восемь часов, а кончалось в шесть. В случае, если ученики не посещали занятий, у них не только удерживали часть жалованья, но и штрафовали. Дел у художников было множество: они «режут на меди портреты, фейерверки, ландшафты, ландкарты и прочее, а притом живого человека рисуют».

Рисунки этих художников, выполненные 225—230 лет тому назад, знакомят с первыми экспонатами старейшего русского музея. Некоторые из этих акварельных рисунков выполнены превосходно. В числе учеников, занимавшихся зарисовкой экспонатов Кунсткамеры, встречаются имена будущих выдающихся художников и граверов: Г. Качалов, И. Соколов, М. Махаев.

ВЕЩИ ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ КАРЛА XII

Среди акварельных рисунков привлекает внимание изображение двух больших кожаных перчаток с темно-красными пятнами. Видимо, перчатки были обогрены кровью. Художник, тщательно копируя экспонат, воспроизвел и пятна. За перчатками следуют рисунки с изображением блестящего золотого кубка, шпор, красивой трости и острого ножа с ножнами. Очевидно, владельцем этих вещей был какой-то выдающийся человек — иначе зачем было их хранить в музее.

В первом печатном каталоге музея, напечатанном в Петербурге на латинском языке в 1742 г. (чрезвычайно редком издании, так как почти все экземпляры каталога сгорели во время пожара Кунсткамеры), сказано: «Перчатки князя Шверина, сделанные из лосиной кожи, запачканные кровью Карла XII, короля Швеции, когда его уносили убитого при осаде Фредериксхалля; блестящий кубок, из которого, по словам князя Шверина, пил Карл XII, король шведов, незадолго до того, как он был убит ударом бомбы в сражении у города Фредериксхалля;

шпоры Карла XII, короля Швеции, снятые с него после его смерти князем Швериним при осаде Фредериксхалля, трость для прогулок короля Швеции Карла XII, на ней выгравировано имя Карла XII; нож с ножнами повара Карла XII, взятого в плен под Полтавой».

Значит, это вещи, принадлежавшие или связанные с шведским королем Карлом XII, грозным врагом России при Петре I. Того самого короля шведов, который сумел в начале своего царствования значительно поднять военный престиж Швеции.

И, конечно, не кто иной, как Петр I, распорядился, чтобы вещи побежденного им врага Карла XII в поучение будущим поколениям хранились в Кунсткамере.

К сожалению, невозможно узнать — кто именно доставил вещи в Россию и — самое интересное — где они сейчас. В Ленинграде их нет. В Москве в Оружейной палате в настоящее время хранится поварской нож с вензелем Карла XII. Возможно, что это и есть нож повара Карла XII, захваченного в плен под Полтавой. Судьба остальных вещей неизвестна. Но рисунки свидетельствуют, что они находились в России и хранились в XVIII в. в Кунсткамере.

Рисунки и главное пятна крови Карла XII на перчатках — наводят на мысль подробнее узнать об обстоятельствах гибели короля. В свое время о смерти Карла XII было много противоречивых толков. Говорили даже, что его убили соперники, чтобы овладеть шведским престолом. Вот что рассказывает об этом известный английский историк Вильям Кокс (1747—1828) в книге «Путешествие в Польшу, Россию, Швецию и Данию».

Арсенал в Стокгольме, писал В. Кокс, хранит множество знамен и самых разнообразных трофеев, захваченных при победах шведов над поляками, датчанами, русскими под предводительством Густава-Адольфа, Банье, Тюретензона, Врангеля, Карла-Густава и в особенности Карла XII, столь блистательно прославившего и разорившего свою страну. Среди различных любопытных вещей В. Кокс рассматривал кожу лошади Густава-Адольфа. Сидевший на этой лошади король был убит во время сражения под Лютценом. Хранится там и корабль, построенный Петром I в Саардаме, захваченный шведами, когда его вели морем в Петербург. Одежда и шляпа, которые были на Карле XII, когда он был убит в траншее

под Фредериксхаллем. По этой одежде и шляпе многие пытались установить истинную причину и обстановку смерти Карла XII. Это и заставило В. Кокса рассмотреть их очень внимательно.

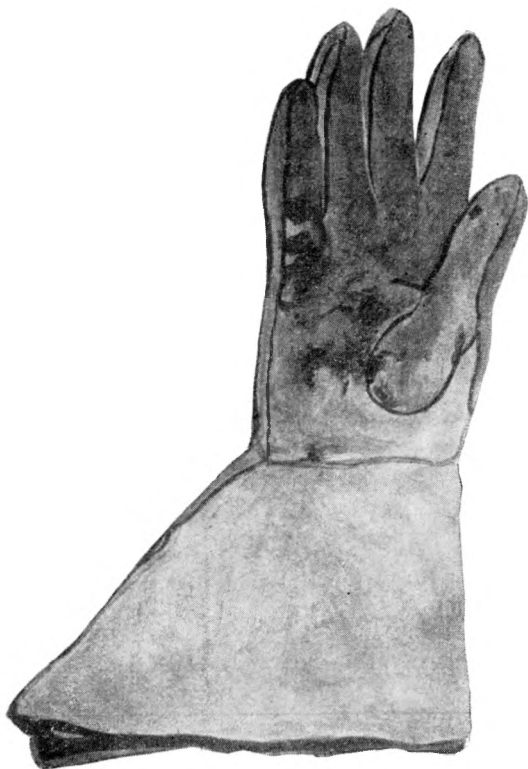
Синяя форменная куртка, похожая на простую солдатскую. Большие грубые сапоги. Перчатки из очень прочной кожи, доходящие почти до локтя. Перчатка с правой руки сильно окровавлена, на левой только небольшие пятна. Пояс также окровавлен. Все это подтверждает сохранившиеся сведения, что, получив роковой удар, король сразу же поднял правую руку к раненому виску и затем схватился той же рукой за эфес шпаги.

Шляпа была, по-видимому, лишь слегка задета в том месте, где она покрывала висок. Человек, часто видевший эту шляпу, сказал В. Коксу, что эта метка была совсем незначительной. Но любопытные часто трогали шляпу и сильно расширили надорванное место. Во всяком случае шляпа лишь слегка задета и не пробита. Поэтому ничего нельзя сказать о величине свинца, нанесшего смертельный удар Карлу XII. Одежда и шляпа не дают ответа на вопрос — погиб ли король от огня батарей, защищавших Фредериксхалль в Норвегии, или, быть может, пал от руки одного из своих соперников и недоброжелателей.

Далее В. Кокс приводит рассказы очевидцев, присутствовавших при гибели Карла XII. 30 ноября 1718 г. Карл XII осматривал осадные траншеи у Фредериксхалля. В одной из траншей он остановился и облокотился на парапет. Король рассматривал, по-видимому, выполненные по его приказанию работы, не обращая на опасность никакого внимания. Внезапно он ощутил удар в висок, склонился на парапет и умер. Короля сопровождали два французских офицера: инженер Мегрэ, руководивший осадными работами, и его помощник Сигрэ. За ними на некотором расстоянии находились Шверин и другие приближенные короля. По сообщению Вольтера, получившего сведения, быть может, от самого Сигрэ, два французских офицера, видя, что король падает с тяжелым вздохом, приблизились к нему и увидели, что он убит. В момент смерти Карл XII успел наполовину вытянуть шпагу из ножен и схватился за эфес с такой силой, что шпагу с трудом высвободили из руки убитого.

Гробница Карла XII выполнена из черного мрамора. На ней имеется лаконическая надпись с его именем. Над

гробницей бронзовое украшение: палица и львиная шкура. Карл XII был настойчивый и волевой человек. Примеров его храбрости известно немало. Он сам участвовал в сражениях. В тяжелой для русских первой битве под Нарвой Карл XII сражался наравне с солдатами. Под ним два

Перчатка, обгаренная кровью Карла XII.

раза были убиты лошади. После поражения под Полтавой он бежал в Турцию. Там в окружении группы своих подчиненных, живя в небольшом городке Бендерах, шведский король подстрекал турецкие власти против России.

Однако для управления страной недостаточно только воли и храбрости. Втягиваясь в непрерывные военные авантюры, Карл XII полностью расстроил финансы Шве-

ции и довел ее до нищеты. Поэтому-то после его смерти и возникли слухи — а не был ли убит Карл XII людьми, стремившимися улучшить положение Швеции. В душе Карл XII был военным авантюристом. Он задумывал продолжение войн, хотел даже сговориться со своими победителями — русскими, вместе с Россией и Испанией сместить короля Польши, изменить правление в Англии, разжечь еще небывалую войну в Европе. Он был убит 36 лет от роду, и его агрессивные замыслы не были осуществлены.

Музей кажется всегда чем-то мирным и спокойным. В тишине музея посетители знакомятся с различными памятниками прошлого. Но еще в XVIII в. в наш первый музей — Кунсткамеру, в назидание потомству, были помещены перчатки, обогранные пятнами крови Карла XII, пролившего немало крови русских солдат, сражавшихся за независимость своего отечества.

ПЕТР I И ЕГО ВЕЛИКАН

В письме к своей жене Екатерине 13 апреля 1717 г. Петр I писал: «Объявляю Вам, что мы четвертаго дня во Францию въехали со всею компаниею и до завтра побудем здесь, а завтра поедем в Кале...». Едва Петр вступил на французскую землю, как подвергся значительной опасности. Известно, что одной из главных черт Петра была его любознательность: он все должен был осмотреть и увидеть сам. Пользуясь морским отливом, Петр решил съездить в карете на отмель у города Дюнкирхена. Внезапно поднялся сильный ветер, прилив начался с необыкновенной быстротой. Вода залила дорогу, на которой находился царь. Пришлось наспех выпрягать лошадей. Петр едва успел ускакать верхом.

На следующий день Петр в сопровождении двенадцати всадников приехал в город Кале. Жители города удивились высокому росту Петра. Он был чуть не на две головы выше всех окружающих. Маркиз Нель, присутствовавший при встрече, узнал от князя Куракина, что рост Петра 2 м 4 см. И тут же маркизу пришла мысль показать Петру местного великана Буржуа, выступавшего за

деньги на ярмарке. Петр охотно согласился посмотреть на великана. Весенняя ярмарка в Калё начиналась 18 апреля.

Утром 18 апреля Петр отправился на ярмарку. Одет он был в будничное платье коричневого цвета, а в руках держал дубинку: толстую трость с набалдашником из слоновой кости. Нередко она гуляла по спинам провинившихся сподвижников Петра.

На ярмарке было оченьлюдно. Толпы празднично одетых горожан собрались на ярмарочной площади. Погода выдалась на редкость хорошая: голубое небо, солнце. Разноцветные женские платья и украшения красиво сверкали и переливались. Одежда крестьян, приехавших на ярмарку из окрестностей Кале, не отличалась яркими красками, она была очень простой и скромной. Во время путешествия по Франции Петра поражала бедность простого населения. В письме к Екатерине он писал: «... а сколько дорогой видели, бедность в людях подлых великая».

Прежде всего Петру показали представление ярмарочного театра. Его подвели к небольшому деревянному строению с просторной сценой. У театра столпилось много народу. Все пристально следили за ловкими движениями канатного плясуна. Вслед за плясуном выступили танцоры, певцы, жонглеры и дрессировщик с двенадцатью крохотными собачками, показывавшими всевозможные фокусы. Зрители бурно аплодировали актерам.

Вскоре Петру представление наскучило. Он отошел от сцены и остановился возле высокой палатки. Маркиз Нель, сопровождавший Петра, сказал, что в палатке находится великан Буржуа. Нель вошел в палатку и скоро снова вышел вместе с человеком необычайно высокого роста и крошечной женщиной. Карлица была матерью великана Буржуа.

Петр был поражен огромным Буржуа: его широкими плечами, богатырской грудью. Лицо великана было приятным, почти красивым, особенно украшали его большие голубые глаза. На голове Буржуа был надет припудренный, тщательно завитой парик. Буржуа сразу понравился Петру. И тут же через переводчика Петр пригласил великана к себе на службу в Россию. Буржуа сначала колебался. Когда же Петр предложил ему жалованье по 600 рублей в год, а матери сумму денег, достаточную для

жизни во Франции без всякой нужды, Буржуа согласился. Он сложил свои пожитки и пошел за Петром. Рост Буржуа 2 м 27 см. Он был на 23 см выше Петра. Все

Портрет великана Буржуа. (XVIII в.).

встречные оборачивались. Еще бы! Петр и Буржуа рядом выглядели внушительно.

Вскоре после этого Петр уехал из Кале, а затем и из Франции. С Петром в Россию приехал и Буржуа.

В Петербурге его часто видели на запятках царской кареты. Огромный рост великана неизменно вызывал восхищение встречных.

Петру нравились высокие люди. Своему Буржуа, которого он назвал Николаем, Петр подыскал жену — финку почти такого же роста, как сам Буржуа. Петр предполагал, что дети у Буржуа будут великанами. В то время, в XVIII в., существовала теория преформизма. Считайсь, что все особенности живых организмов predetermined и заложены заранее и могут только развиваться и увеличиваться. Таким образом, если в семье имеется великан, он свой высокий рост непременно передаст детям. У Буржуа был сын и две дочери. Были ли они великанами — неизвестно. Про теорию преформизма можно сказать точно, что она была ошибочной.

Прожил Буржуа в России только 7 лет. В 1724 г. в мае месяце он умер от апоплексического удара. Тело его вскрывали врачи. Кожу сняли, внутренности вынули. Оказалось, что сердце у Буржуа было величиной с воловье, желудок и одна почка были огромными. Другая почка, печень и селезенка оказались небольшими. Кости Буржуа выварили и скрепили в скелет. Кожу его отдали скорняку иноземцу Еншау для выделки, но деньги за работу Академия выплатила только через год — в ноябре 1725 г. Скульптор К. Б. Растрелли (отец знаменитого архитектора) предложил отлить статую Буржуа из свинца, но потребовал слишком большую плату за работу, и статую решили не делать. Скелет Буржуа, его сердце, кожу и портрет передали в Кунсткамеру. Во время пожара музея в 1747 г. кожа Буржуа сгорела, а череп затерялся. Скелет же Буржуа, его сердце и портрет хранятся до сих пор в музее.

По портрету Буржуа не видно, что он был таким высоким. Но кости грудной клетки его скелета и кисти рук убеждают в том, что Буржуа на самом деле был великаном. И особенно его сердце. Известно, что объем кулака равен объему сердца человека. Сердце Буржуа соответствует объему 3—4 кулаков среднего взрослого человека.

ЖИВЫЕ МОНСТРЫ

По указам Петра I в музее собирались многочисленные монстры — уроды человеческие и животные. В каждом указе накрепко подтверждалась необходимость их доставки в Петербург. «Понеже известно есть, что как в человеческой породе, так в звериной и птичьей случается, что рождаются монстры, то есть уроды, которые во всех государствах собираются для диковинки...» (Указ от 13 февраля 1718 г.).

Указ назначает денежную плату за доставку монстров и наказание за их утайку. Оценивались монстры по тем временам очень дорого: «за человеческую по десяти рублей, за скотскую и звериную по пяти, а за птичью по три рубля за мертвых; а за живых за человеческую по сту рублей, за скотскую и звериную по пятнадцати рублей, за птичью по семи рублей, а ежели гораздо чудное, то дадут и более; буде же с малою отметиною перед обыкновенным, то меньше».

На случай, чтобы монстров не скрывали, в указе предполагалось на утайщиков «возвещать, а кто обличен будет, на том штрафу брать вдесятеро против платежа за оные и деньги те отдавать изветчикам». Поэтому мертвых и даже живых монстров после указа стало поступать много.

Среди упоминавшихся акварельных рисунков XVIII в. сохранились зарисовки анатомических препаратов. Среди них рисунки уродов 1735—1751 годов: двулицые монстры, уроды с недоразвитыми конечностями, близнецы, сросшиеся в области грудной клетки, волосатый мальчик, а также уродливые животные: двухголовый теленок, сросшиеся близнецы свиньи, кошки и др.

В 1722 г. при Кунсткамере жило три живых монстра: Фома Игнатьев, Яков Васильев и Степан. Фома был карликом ростом в 126 см. На ногах и правой его руке было по два пальца, похожих на клешни рака. На левой руке две пары клешней. Для потехи публики Фома показывался перед посетителями музея и подбирал брошенные ему деньги. Неизвестно, в чем состояло уродство Якова Васильева, в архивных академических делах сказано только, что он работал кузнецом и мог сам для работы покупать нужные ему металлы: сталь, медь и т. д.

23 апреля 1734 г. Фома Игнатьев и Яков Васильев обратились с прошением в Академию наук. В нем было

сказано, что «обретаемся мы ... при Кунст-камере монстрами и получаем жалованье, також мундир солдатский. А понеже данный нам в прошлом 1730 году мундир, кафтан, камзолы, штаны износили, того ради покорно просим о выдаче мундира указ учинить». Через год монстры повторили свое прошение. Тогда им сшили мундиры из зеленого сукна с красными обшлагами, штаны и камзолы были тоже красные. Выдали и шляпы, украшенные белой тесьмой. Каждый мундир обошелся в 10 рублей 50 копеек. Новую одежду, по распоряжению президента Академии наук, отдали под расписку. Монстры обязались содержать мундир в чистоте и сохранности и носить его три года. Но вышло так, что монстрам не пришлось носить мундиры на протяжении трех лет. В 1736 г. умер Фома Игнатьев; известно, что его «анатомили». Яков Васильев, который жил и кормился у академического служителя Конона Данилова, умер от усилившейся «животной» болезни в 1737 г. При жизни Васильев рассказывал служителю, что он «российской нации рейтарский сын и уроженец гор. Казани». Тело Васильева «анатомил» известный доктор и профессор Дювернуа, работавший в Академии наук. Все части тела «для курьезности» были отданы в Кунсткамеру и хранились «в спиртусе».

В том же 1737 г. из Тюмени был прислан сын тюменского разночинца Гаврилы Воробьева — Петр. Уродство его описывается так: «у левой руки есть ладонь толщиною в три четверти и пальцы не так, как надлежит, да у правой ноги пальцев нет, и повыше лодыжки как

Монстр Фома (XVIII в.).

ниткою перевязано». Отцу Петра, приехавшему вместе с ним, в Академии наук были заданы многочисленные вопросы, опубликованные впоследствии в академических материалах. По ним видно, что ученых интересовала больше всего причина уродства, не передавалось ли оно по наследству и не встречалось ли подобное уродство у соседних жителей. Отец Петра ответил на все предложенные ему вопросы. Сын его Петр родился в 1728 г., когда матери было 28 лет, а отцу 25. Роды прошли благополучно. Жена перед родами не болела, не пугалась и не видела заключенных (в то время существовало поверие, что у женщины, увидевшей заключенного, могут быть тяжелые роды). Петр был первым сыном, после него было еще трое детей и все они нормальные. Шишка же на ладони у Петра от рождения; раз в четыре месяца она прибавляется на вершок и никогда «не отворяется».

Петру, как раньше Фоме и Якову, выдавали жалованье по 18 рублей в год. Но жалованье платили в то время, как и всем служащим в Академии, крайне нерегулярно. Сохранилось доношение Петра Воробьева, что за сентябрьскую треть он жалованья не получил, «от чего в дневном питании претерпевает немалую нужду, к тому же наг и бос». Жил Петр Воробьев у служителя Андреева, который «содержал его как трактиром, так и покупкою на него рубашек, чулков и обуви, также и шитьем рубашек». В 1740 г. Воробьеву, после его многочисленных прошений, тоже сшили мундир, как и прежним монстрам.

В 1739 г. из Сибири из города Сургута был прислан монстр Федор одиннадцати лет — сын «служилого» человека Ивана Тарасова. У него «кругом голова без вершка аршин, лоб и борода в длину четь и полтретья вершка, туловище от шеи до вилок две четь и два вершка, нос вершок, рот полвершка, а лицом гладок». Руки и ноги у Тараса были тонкие. Ходить он не мог. Но уродство его, очевидно, показалось не заслуживающим внимания, его не стали удерживать при Кунсткамере, а отослали домой.

В 1742 г. в Кунсткамере появились четыре гермафродита. Родились они в Сибири в «Красногорском остроге Исецкой провинции» в двух семьях. Двое были сыновьями «церковного дьячка» Ивана Кузнецова, а двое отставного солдата Василия Яковлева. Кузнецовых звали Аврамом и Терентием, а Яковлевых Михаилом и Иваном.

В Академии с этими монстрами разыгралась плачевная история. Они были старшими сыновьями в своих семьях, их родители приближались к преклонным годам, а младших детей некому было содержать. Родители просили вернуть им старших сыновей. Но просьба родителей не была принята во внимание. Четырех монстров оставили при Купсткамере и отдали академическим служителям для обучения грамоте. Служителям дали наказ «содержать и учить у себя с прилежным за ними смотрением, дабы оные дети не резвились и в напрасном гулянии времени не теряли, но через год от сего времени по-русски читать и писать обучены были; ибо они потом отданы быть имеют в гимназию».

Прошел год. Один из монстров Михаил Васильев убежал. С барабанным боем объявили о его побеге. Было строго указано, чтобы Михайла Васильева 13 лет с русыми волосами, серыми глазами и «плосковатым» носом привести в Академию наук. Большие неприятности грозили тому, кто посмел бы спрятать Михаила. Но ничего не помогло: Михаил Васильев исчез бесследно.

В 1746 г. Академия прекратила содержание при музее живых монстров. Петр Воробьев просил, чтобы его отпустили в Тюмень к родственникам. Было решено, что «в оном монстре при Академии нужды не признается», и Петру Воробьеву разрешили уехать в Тюмень. Отставной поручик И. В. Баженов сопровождал Петра. Академия дала инструкцию, по которой поручик должен был отдать монстра матери. Кроме того, в инструкции говорилось, что в случае смерти Воробьева родственники должны оповестить тюменскую канцелярию. А последней надо немедленно найти ближайшего лекаря. Лекарь же, «что из тех частей сего монстра найдет примечанию достойное, оное отправит в спирте в Академию незамедля».

Месяц спустя Академия распрощалась и с солдатскими детьми. За это время умер отец Кузнецовых, осталась одна старая мать. Солдат Василий Яковлев приехал в Петербург и просил отпустить гермафродитов в Сибирь, чтобы они содержали и кормили старших.

Академия наук очень обрадовалась такой просьбе — пропажа Михаила сильно тревожила академиков. Поэтому Яковлеву отдали всех трех детей. Было решено, «что в оных никакой нужды при Академии и курioзности нет, и жалованье они берут напрасно». В грамоте русской они

не преуспели, читать и писать до сих пор не выучились. И в довершение доктор Вейтбрехт подал рапорт, что при последнем осмотре он обнаружил у них «мужское свойство».

Так закончилась история последних живых монстров, проживших при Кунсткамере три года для «куриозности». С этого времени живых монстров при Кунсткамере больше никогда не было. Увлечение уродами в XVIII в. — довольно любопытное явление в истории науки. Известно, что при европейских дворах держали слуг и шутов с физическими недостатками только для развлечения. Монстров же по указам Петра собирали не только ради простого любопытства, но и для науки. Уже в указе 1718 г. сделана попытка научно объяснить происхождение уродства: «невежды, чая, что такие уроды роятся от действия дьявольского через ведовство и порчу, чему быть невозможно, но от повреждения внутреннего, также от страха и мнения матерного во бремени, как тому многие есть примеры, чего испужается мать, такие знаки на дитяти бывают; также когда ушибается, или, больна будет, и прочее».

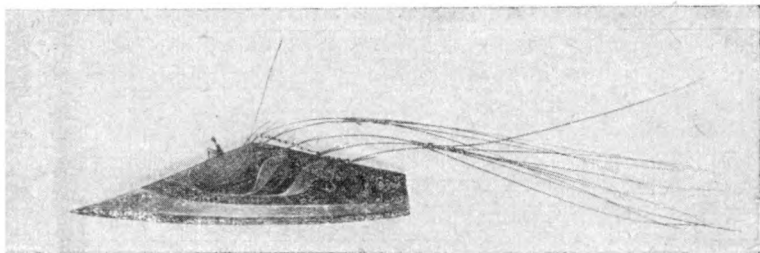
Кроме того, анатомы того времени в Петербурге усиленно искали на примерах монстров подтверждения теории преформизма. Их в особенности интересовало — передают ли уроды потомству свои отклонения от нормы.

ДЕРЕВЯННЫЕ ОХОТНИЧЬИ «ШЛЯПЫ»

Самая большая в мире коллекция деревянных алеутских «шляп» хранится в бывшей Кунсткамере. Здесь есть козырьки без верха и конические «шляпы» с острым или закругленным верхом. С правой, иногда с левой стороны, к «шляпе» прикреплены торчащие усы морского львасивуча. Длинные жесткие усы унизаны разноцветными бусинками. На ярко окрашенных «шляпах» встречаются резные украшения, фигурки из моржовой кости и рисунки со сценами охоты. На одной посредине видна легендарная птица громовик — покровительница охотников. Ближе к краю нарисована сцена охоты на кита-полосатика: огромного черного кита окружили байдарки с охотниками. Один охотник бросает гарпун, другие ранят

кита в спину. Кит уже истекает кровью. Вода перед ним отмечена голубыми черточками, с боков и сзади — красными. Слева на «шляпе» видно, как люди с дубинками в руках охотятся на морских котиков. Здесь же жилище, около него несколько человек чем-то заняты, из отверстия в крыше идет дым от очага. Справа же представлена охота на моржа. На других «шляпах» рисунки показывают охоту на бобров, тюленей и других морских животных.

Удивительные деревянные шляпы изготовляли смелые охотники, жившие на Алеутских островах. В цепи Алеут-

Деревянная алеутская шляпа. (XIX в.).

ских островов 110 имеют названия, остальные, очень мелкие, — безымянные. В середине XVIII в. алеутов насчитывалось около двадцати тысяч человек. В 1867 г. Россия продала Алеутские острова Соединенным Штатам Америки. Американцы заботились только о своей выгоде и расхищали богатства островов и окружающих их морских просторов. Быстро исчезали киты, котики, морские бобры. Американские торговцы за бесценок скупали у алеутов шкурки и наживали при их перепродаже громадные барыши. Алеуты жили в нищете и бесправии. Их спаивали спиртными напитками, они гибли от голода, болезней, их безжалостно убивали при малейшей попытке сопротивления. И поэтому к 1890 г. осталось только 1702 алеута, а в 1910 г. — 1232. В 1942 г. после нападения японцев на Алеутские острова около половины алеутов были перевезены американцами в специальный лагерь на юго-востоке Аляски. Здесь многие умерли от голода и туберкулеза. Оставшиеся в живых после второй мировой

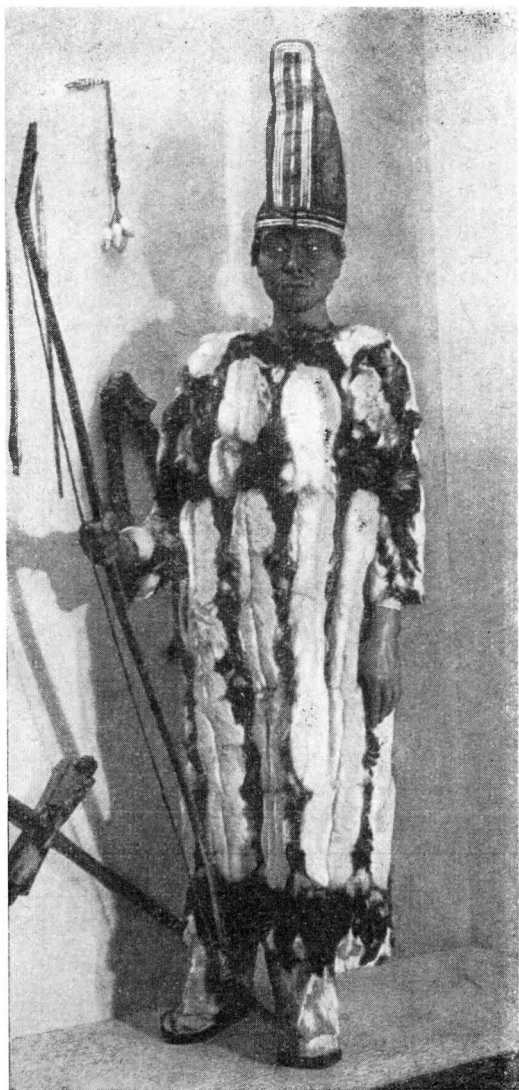
войны в 1945 г. вернулись обратно. В настоящее время алеутов насчитывается меньше тысячи.

Первыми европейцами, побывавшими на Алеутских островах, были русские мореплаватели — Витус Беринг и Алексей Ильич Чириков. Они встретились на островах со своеобразной культурой, сейчас совершенно исчезнувшей.

Во время плавания в 1741—1742 гг. сильная буря занесла к Алеутским островам пакетбот «Петр» с командой Беринга. Дул пронзительный ветер, сквозь пелену тумана едва можно было разглядеть очертания островов. В воде были видны густые заросли морской капусты. Это были настоящие подводные леса, поднимающиеся на поверхность моря с глубины 20—30 м. Деревьев на островах не было, росли только карликовые ивы, бузина, мох и трава. Над морем, хлопая крыльями, летали птицы: топорки и ары — морские попугаи, чайки, гагары, кулики, лебеди. Жителей не было видно.

Но вот показались две байдарки. Одна из них близко подошла к пакетботу. И наши моряки увидели людей среднего роста, крепкого коренастого телосложения. Длинные, свисающие на лоб волосы были блестящего черного цвета, глаза были тоже черными, как угли. По приказу Беринга моряки привязали к доске и бросили алеутам в подарок красную материю, два зеркала, китайские кораллы и медные колокольчики. Алеуты с удивлением взяли подарки и в ответ бросили жезлы с соколиными перьями, птичьи крылья и краску. Наверное, алеуты приняли русских за какие-то неизвестные им божества. Поэтому они им в подарок преподнесли вещи, которые обычно приносили в жертву своим богам. Затем алеуты направились к острову, приглашая знаками русских следовать за собой. После короткого совещания наши матросы решили спустить шлюпку и высадиться на берег. Алеуты высыпали на берег и дружелюбно встретили русских.

Алеуты были одеты в парки — длинные рубашки ниже колен со стоячим воротником и неширокими рукавами. Парки были сшиты из птичьих шкурок. Эти парки в плохую погоду надевались перьями наружу и спасали от дождя, так как вода стекала с перьев и не проникала внутрь. В сухую холодную погоду парки надевали перьями внутрь и так согревались. Женские парки были изготовлены из шкур морских бобров и котиков шерстью

Алеут, одетый в парку, сшитую из птичьих шкурок. (XIX в.).

внутри. Воротники парок украшались бисером, несколько длинных ниток бисера или кораллов прикреплялись спереди к воротнику. Козья шерсть была нашита на парку поперечными рядами. К паркам привешивали ремешки, птичьи клювы, кораллы.

На ногах были надеты торбасы. Верхняя часть их шилась из кожи морского льва, подошва из китовой кожи или ластов морского льва. Кожа на лапах и китовая кожа морщинистые, и такая подошва удобна для ходьбы по скользкому льду и камням.

Шапок на алеутах не было. Их заменяли длинные волосы. Увидев русских с покрытыми головами, алеуты называли их «шляпники».

В нос и нижнюю губу некоторых алеутов были вставлены костяные палочки или камешки, в ушах висели серьги, лица были раскрашены синими полосами. На лицах многих женщин была татуировка: наколоты орнаменты в виде зверей, птиц, цветов, а на подбородке одной старой женщины было даже изображение байдарки с сидящими в ней гребцами.

Толпа любопытных детей выбежала вместе со взрослыми встречать гостей. Они были одеты в парки из орлиных шкур, очень пушистые и мягкие. Дети были сильными, ловкими и выносливыми. Мальчиков купали в море или в холодной воде в любое время года, чтобы закалить их. С малых лет приучали их к охоте на морских зверей и езде на байдарках. Девочек же учили шитью, вышивке, плетению, они должны были уметь собирать съедобные корни и готовить пищу.

Алеуты повели моряков к видневшемуся вдали селению. Маленькие и большие четырехугольные землянки располагались без определенного порядка. Деревья на островах не росли, и поэтому деревянных столбов и перекладин не было. Основу жилища закладывали из ребер больших китов. Вверху, в середине строения, делалось несколько люков для входа и выхода жильцов и для света и дыма. На китовые ребра настилали плетеные циновки, на них накладывали сухую траву, а сверху все засыпали землей. Вместо стекол окошки затягивали кишками китов или морских львов.

Наши моряки спустились в жилище по бревну с вырубленными на нем ступенями. Скучный свет пропикал сквозь люки. В каменной площадке горел китовый жир,

пламя отбрасывало пляшущие тени на стены. Перегородки делили жилище на несколько отделений. В каждом отделении жила отдельная семья.

За одной из перегородок сидела женщина и плела из травы ковер. Длинным, острым как ножик ногтем указательного пальца она разделяла травинку на две полоски и сплетала их с большим искусством. Ногтем женщины разделяли на полоски не только траву, но и жилы морских зверей и получали тонкие, ровные нити, которыми они шили одежду и обувь. Несколько плетеных корзин красивого светло-желтого оттенка стояли вдоль стены. На стене висели плетеные мешочки. В них хранились костяные иголки. Ушка у иголки не было, нитку не вдевали, а привязывали к игле. Некоторые травы для плетения женщины сушили недолго, другие длительное время и таким образом получали разные оттенки от темно-зеленого до светло-желтого. У ног женщины лежали готовые зеленые коврики, такие же коврики бóльших размеров находились на полу в углу. На них спали ночью, укрывались алеуты такой же плетеной циновкой.

Русских моряков угостили сырым мясом моржа, кусками китового мяса, зажаренного на каменной сковороде, вяленой рыбой, морскими ежами. Лакомым блюдом у алеутов считался толченый корень растения сараны, приправленный тюленьим жиром и ягодами. Еду подавали в сосудах из рыбьей кожи и деревянных чашах, ложки были костяные. А жир хранили в высушенном желудке тюленя. После угощения моряки отправились к себе на корабль.

Утром матросы видели с корабля, как алеуты охотились на моржей. Туловище у моржа огромное — он весит больше 2500 кг, а голова маленькая, из верхней челюсти моржа растут два больших клыка. Морж очень неповоротлив, передвигается он по суше медленно, опираясь на свои клыки. Охотники обошли моржей с берега и начали колоть их копьями. Охота была удачной: больше пяти убитых моржей лежало на берегу.

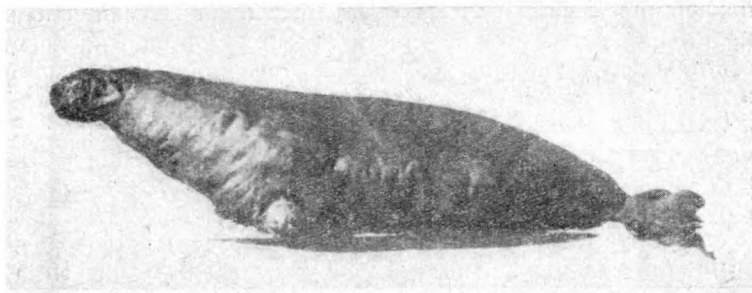
Узнали путешественники и способ охоты на тюленей. Приманку — шкурку молодого тюленя, надутую воздухом, клали на скалу. Охотник прятался возле скалы и кричал, подражая своим криком самке тюленя. Тюлени подплывали к берегу. Охотник подпускал тюленя поближе и метал гарпун с помощью особой метательной дощечки. По-

Женщина алеутка за плетением. (XIX в.).

том вытягивал раненого зверя на берег и добивал его палкой.

Птиц ловили в силки, сделанные из китового уса. Расставляли силки в тех местах, где было много птиц. Промысел этот опасный. Надо было подниматься на высокие утесы, трудно доступные не только людям, но и зверям. Охотились на птиц и с помощью «бола» — связки ремней с прикрепленными к ним камнями или костяными грузилами. Охотник, увидев стаю птиц, быстро вращал «болу»,

Приманка — шкурка молодого тюленя, надутая воздухом.

а потом бросал ее. Пущенная меткой рукой «бола» могла убить сразу много птиц. Рыбу алеуты ловили на удочку с леской из морской капусты.

На следующий день моряки заметили какое-то оживление среди алеутов. У берега стояла толпа охотников. Они собирались выйти в море. Одеты они были в непромокаемую одежду — камлейки, сшитые из кишок тюленя, морского льва или медведя. Камлейка похожа на длинную рубашку, но вместо воротника к ней пришит капюшон со шнурком. В рукава тоже вделаны шнурки, чтобы вода не попадала внутрь. Самые прочные камлейки из кишок морского льва, самые нарядные — из медвежьих кишок. Для изготовления камлеек кишки очищали, мыли в воде, сушили и затем сшивали тонкими нитями из сухожилий. На головах охотников были надеты деревянные «шляпы». В море они защищали глаза от водяных брызг и яркого солнечного света. Рисунки же на «шляпах», костяные фигурки и усы морских львов должны были, по мнению алеутов, приносить удачу охотнику.

Охотники сели в байдарки и отошли от берега. При тихой погоде байдарка могла пробыть в воде без починки 12—14 суток, в бурную погоду — не больше 6 суток. К каждой байдарке были прикреплены гарпуны с красным древком и надутый пузырь из желудка или шкуры тюленя, иногда морского льва. Пузыри использовались в случае крушения. Если прорывалась обшивка байдарки, охотник мог пересесть на надутый пузырь и продержаться на нем некоторое время. Пузыри можно было надуть и посильнее и положить в байдарку. Тогда пузырь поддерживал байдарку на поверхности, даже если в нее проникала вода. Тем временем охотник мог еще наскоро законопатить трещины байдарки тюленьим мясом или китовым жиром. На пояс охотник надевал обтяжку из кишок, чтобы вода не заливалась внутрь байдарки. Нижний край обтяжки охотник прикреплял к байдарке шнурком из китового уса; верхний край стягивал кожаным ремешком вокруг пояса.

В непромокаемой одежде со «шляпой» на голове и обтяжкой на поясе охотник-алеут мог без опасений плавать по бурному Северному морю. Управлял алеут байдаркой, составляя с ней как бы одно целое, чрезвычайно искусно. По словам русских путешественников, «никакая сила ветра, ни волнение и даже не всякий толчок посторонней силы, если только алеут видит их, не опрокинут его, лишь бы только весло у него было в руках». Алеутов называли «морскими казаками» за их смелость, удалство, умение править байдаркой в бурю.

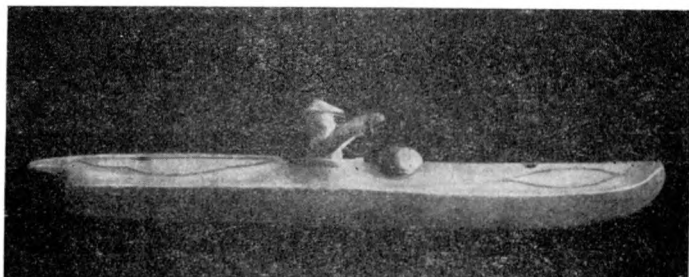
Алеутская байдарка настолько хорошо устроена, что даже опытный кораблестроитель едва ли смог бы ее усовершенствовать. Байдарка такая легкая, что алеут переносил ее по берегу без всякого напряжения, а поднять байдарку мог и семилетний мальчик. Она узкая, острокильная и легка на ходу. Алеут в час может пройти на байдарке 10 км. Никакая шлюпка за ним не угонится. Были случаи, когда алеуты догоняли парусные корабли.

Охотники ушли в море, женщины с маленькими детьми собирали на отмели ракушки и морских ежей. Остались в селении старики и мальчики постарше. Некоторые из стариков строили байдарки, другие мастерили бобровые «стрелки» — гарпуны, третьи изготавливали деревянные «шляпы». Не всякий алеут мог сам смастерить байдарку или бобровую стрелку. Для таких сложных ве-

Охотник, одетый в непромокаемую одежду — камлейку, спитую из кишок тюленя. (XIX в.);

щей требовался искусный мастер. Старикам помогали мальчики, они занимались предварительной обработкой дерева и окраской. Нередко байдарку мастер делал целый год. Подгоняли одну к другой мелкие деревянные части и скрепляли их китовым усом. Получался гибкий каркас, который не ломался от ударов волн, а, как говорили, «изгибался» на волне. Каркас обтягивали выделанной и продымленной кожей тюленя или морского льва. Наверху оставляли отверстие для гребца. Оставалось вы-

Алеут на байдарке. (XIX в.).

резать двухлопастное весло, и на байдарке можно было пускаться в плавание.

Гарпун у алеутов состоял из трех частей: древка длинной в один-два метра, наконечника из китовой челюсти или рога северного оленя и острия из моржовой кости. Острие привязывалось тонким кожаным ремнем к древку гарпуна. К гарпуну привязывали еще надутый пузырь, чтобы древко не тонуло, а плавало по воде и указывало охотнику, где находится его добыча.

«Шляпы» выдалбливали из куска «выкидного», т. е. прибитого к берегу дерева или пня. Выдалбливали «шляпу» каменным орудием. Такая работа требовала умения и значительной затраты времени. Потом «шляпы» раскрашивали, украшали рисунками, бусами, перьями, костяными фигурками. Усы морского льва прикрепляли к «шляпе» одних охотников справа, других — слева, в зависимости от того, какой рукой охотник бросал гарпун — правой или левой. Дерево у алеутов было редкостью, делал «шляпу» мастер долго, поэтому стоила она дорого.

И носили «шляпу» чаще всего знатные алеуты. За красивую «шляпу» с рисунками давали от одного до трех рабов. Если же принять во внимание, что у самых состоятельных алеутов было от 5 до 20 рабов и за двух рабов можно было приобрести байдарку, то станет понятным, как дорого стоили «шляпы». Обращались со «шляпами» бережно и в случае поломки или появления трещин ста-

Знатные алеуты. (С гравюры 1802 г.)

рательно чинили, сшивая края дерева нитками из сухожилий.

Охотники вернулись через три дня с богатой добычей. Они напали на лежбище китиков и убили кита. Еще издали было видно, как несколько байдарок тянули за собой громадную тушу. Охота на кита требовала большой смелости, ловкости и умения. Увидев в море кита, охотник в байдарке осторожно приближался к нему. Он подходил совсем близко к киту, бросал ему в спину копье, наконечник которого был смазан растительным ядом аконитом, и быстро отплыл в сторону. Раненый кит погибал через два-три дня, и тушу его выбрасывало на отмель или же ее подтягивали байдарками к берегу. Охотники на китов были самыми почетными людьми в селении.

По случаю удачной охоты алеуты пригласили к себе гостей — жителей соседнего селения и устроили праздник.

Гостей повели вниз в жилище по предательской лестнице, сооруженной из надутых шкурок тюленей. Некоторые гости спускались благополучно, другие, к великому увеселению хозяев и зрителей, падали, поднимались и снова падали. Наконец все спустились вниз, уселись на коврики, мужчины и женщины отдельно, и началось представление. Перед зрителями на сцене находились два чучела необычайной величины, сделанные из травы и одетые в красивую одежду. Великаны были настоящими страшилищами. На страшном лице одного великана росла длинная борода. Другой, безбородый, был еще страшнее.

Появились мужчины, которые спели песню под звуки бубна, обтянутого тонкой китовой кожей. Мужчин сменили женщины, потом дети. Хозяин дома появился в старинном ритуальном наряде, который надевали только во время праздников. На нем была деревянная шляпа с изображением большой лягушки и плащ — тоже с изображением лягушки, украшенный еще ремешками и хвостиками горностая. Такой наряд иногда сгнивал без употребления, если владелец и его наследники были слишком бедны, чтобы устроить праздник. В руках у хозяина были трофеи, захваченные предками, и он пел об их замечательных боевых подвигах.

Затем начались пляски. Сначала плясали дети, изображавшие морских котиков и тюленей. Потом выступили мужчины. Они изображали сражения, победу, мир, ловлю зверей. На лицах у них были маски, в руках оружие. Во время представления охоты один из выступавших подвязывал под парку небольшой пузырь с тюленьей кровью. Другой прокалывал пузырь, и к восторгу зрителей лилась настоящая кровь. В военных представлениях чучела-великаны, помещавшиеся на сцене, играли роль предводителей.

Женщины для плясок надели мужские птичьи парки и вооружились гарпунами с прикрепленными к ним надутыми пузырями. Расставили надутые тюленьи шкуры, изображавшие зверей. Женщины стали на колени на травяной коврик и под звуки песен и удары в бубны делали легкие повороты, держась руками за пояс. Затем они встали, взяли в руки гарпуны и начали плясать, не сходя с места, потряхивая головой и поворачивая гарпуны в разных направлениях.

Песни и пляски начались с вечера и продолжались до утренней зари. А потом подавали угощения — мясо, вяленую рыбу, ягоды, жир — и дарили гостям подарки. Бо-

И. Г. Вознесенский, собравший уникальные коллекции в Северной Америке (1816—1871 гг.).

гатым дарили подарки побольше и подороже, бедным — поменьше и попроще. На этом праздник закончился. Такие праздники продолжались иногда по несколько дней, пока хозяева были в состоянии кормить гостей. Потом

переходили в другое жилище, и там праздник продолжался, а затем гости приглашали хозяев, и песни, пляски, угощения начинались снова в соседнем селении.

Так русские моряки из команды Беринга, а потом и Чирикова впервые познакомились со смелыми, ловкими и изобретательными охотниками-алеутами. Алеуты были не только умелыми и искусными охотниками, они обрабатывали камень, кость, кожу и знали искусство плетения. Моряки привезли с собой множество бобровых и котиковых шкур. Русские купцы и промышленники стали сразу же снаряжать экспедиции за ценной пушной и постепенно открыли всю цепь Алеутских островов, протянувшуюся до Аляски. Но это уже другая, большая и очень интересная история. А здесь надо еще сказать, что коллекцию замечательных деревянных охотничьих «шляп» алеутов привез в нашу страну Илья Гаврилович Вознесенский. Он работал в Зоологическом музее и совершил в 1840—1845 гг. длительное путешествие по малоисследованным еще тогда землям Северной Америки и прилегающим к ним островам.

ПЕВЕЦ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

«Картина, которую я увидел с вершины горы, так поразила меня, что я вскрикнул от удивления. Шел пал; линия огня опоясывала горы, словно иллюминация. Огни мерцали и гасли...

Пробираясь сквозь чащу леса, я увидел маленькую поляну, а на ней что-то белело. Подойдя поближе, я увидел человеческие черепа. Их было шесть. Как погибли эти люди? Суровая тайга хранит такие тайны...».

Читаешь эти строки и чувствуешь, как покоряют они тебя романтикой приключений, как веет от них «ветром далеких странствий». Они принадлежат известному исследователю, путешественнику-натуралисту и писателю Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву. Его книги читаются с равным интересом и детьми, и взрослыми. Вот что писал ему М. Горький: «... Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера — это, поверьте, неплохая похвала... какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну...».

Что побудило В. К. Арсеньева выбрать свою увлекательную, но нелегкую деятельность, которой он посвятил тридцать лет и которую только безвременная смерть могла прервать?

Родился В. К. Арсеньев 29 августа (ст. ст.) 1872 г. в Петербурге. В детстве больше всего он любил читать книги о путешествиях, мечтал стать похожим на выдающегося исследователя Центральной Азии — Н. М. Пржевальского. Под впечатлением прочитанного много рисовал. Изобразив двух или трех человечков, он представлял, как они плывут по морю или по реке, открывают новые земли, острова, куда не ступала нога человека, встречаются с лесными зверями. Большое впечатление произвел на Володю зоологический сад. «Вот бы побывать в тех далеких странах, где водятся такие животные», — мечтал мальчик.

Однажды отец и мать привели его в Этнографический музей на Васильевском острове. Сотни тысяч его экспонатов рассказывают об истории, культуре и быте народов мира. Здесь хранятся ценнейшие материалы, собранные выдающимися русскими учеными — путешественниками в разных частях света. Мальчик был совершенно захвачен всем увиденным. Родители его уже пошли к выходу, как вдруг заметили, что Володи с ними нет. Пришлось отправиться на поиски. Мальчик, сидя на корточках, внимательно рассматривал шаманский бубен и ни за что не хотел идти домой. Пришлось пообещать привести его в музей снова. Много раз потом бывал Арсеньев в музее. Сначала он приходил с родителями, потом — один. В последний раз он обошел залы, одетый уже в новый офицерский мундир. Годы учения в юнкерском училище остались позади. Арсеньев направлялся служить в Варшаву, но вскоре добился перевода на Дальний Восток, в тот загадочный край, который давно привлекал его. Теперь он мог, наконец, целиком посвятить себя изучению Приморья. Конечно, для этого мало было полученного образования, но Владимир Клавдиевич неутомимо учился по книгам и скоро стал разносторонне образованным человеком: географом, этнографом, топографом, археологом, историком, ботаником и охотоведом. К тому же он был и замечательным писателем.

Впервые приехал он во Владивосток в 1899 г. Город еще строился. На болоте и в лесу, там, где сейчас широко

раскинулись жилые кварталы, бродили стада оленей и диких коз, водились стада кабанов; изредка сюда заглядывал и грозный хозяин тайги — тигр.

Арсеньев начал знакомиться с окрестностями. Один или с двумя-тремя стрелками поднимался он на ближайшие горные вершины, покрытые густыми лесами и кустарниками.

Вскоре его назначили начальником охотничьих команд. Вот когда можно было совершать более отдаленные экскурсии по Южному Приморью, проводя целые недели в тайге; вот когда перед молодым исследователем начал открываться Уссурийский край, о котором он мечтал так давно.

Через несколько лет Владимир Клавдиевич уже во главе большой экспедиции отправился в горную область Сихотэ-Алинь.

До него лишь немногие путешественники пытались проникнуть в эти неизведанные горы, но возвращались, не достигнув цели. Иногда экспедиция заканчивалась даже гибелью ее участников. В диких, нетронутых горах Арсеньева нередко ждали опасности, из которых его выручал охотник-нагаец Дерсу Узала. Верный проводник и помощник русского ученого, Дерсу Узала раскрывал Арсеньеву тайны Уссурийской тайги, повадки зверей и птиц, знакомил его с обычаями местных жителей — нагайцев, удэгейцев.

В следующем, 1907 г. Владимир Клавдиевич снова снаряжает экспедицию для продолжения исследований Сихотэ-Алиня, а еще через год начинает третью крупную экспедицию в северную часть Приморья. Экспедиция длилась девятнадцать месяцев, Сихотэ-Алинь был пересечен семь раз.

В последующие годы Арсеньев, помимо выполнения топографических работ, нанесения на карту хребтов, вершин, рек и озер и троп, начал старательно собирать и материалы по географии памятников старины — развалин древних городищ и укреплений, пограничных валов, старинных дорог, плотин.

Одна из последних крупных экспедиций Арсеньева была организована им в 1927 г. В трудных условиях прошла она огромный, 1873-километровый путь. Ее участники пробирались на лодках по горным рекам и проходили с котомками за плечами через горные перевалы и

самый хребет Сихотэ-Алинь. В тайге Владимир Клавдиевич заболел воспалением легких в тяжелой форме и вынужден был вернуться во Владивосток. 4 сентября 1930 г. он скончался.

В. К. Арсеньев первым проник во многие труднодоступные и далекие районы Дальнего Востока. Он оставил нам 62 научные работы, главным образом о своих путеше-

В. К. Арсеньев в удэгейском costume во время экспедиции 1909 г. (в центре).

ствиях. Написал он и замечательные литературные произведения: «В дебрях Уссурийского края», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня», «Сквозь тайгу» и другие. Они постоянно переиздаются большими тиражами. Книги Арсеньева воссоздают светлый образ их автора — одного из замечательных сынов нашей Родины.

В книгах Арсеньев ярко изобразил самобытную красоту природы Дальнего Востока. Прекрасно создан им обаятельный образ помощника-гольда Дерсу Узала. Дерсу Узала сроднился с тайгой, без нее он не может существовать. В «Дерсу Узала» описаны те немногие дни, когда

Гольд дал согласие Арсеньеву до весны прожить у него в Хабаровске. Но эти дни показались Дерсу невыносимыми, он быстро устал от городской жизни и тихо, не

Дерсу Узала

сказав ничего даже Арсеньеву, ушел в тайгу по направлению к синеющему вдали хребту Хехцир.

Дерсу Узала — опытный охотник-зверолов — умел по смятой траве, по характеру следа, по оброненной шерстинке, по многим другим мелким признакам разгадывать

«язык» тайги. Таких людей много в лесах Приморья, как и всюду в таежной полосе Сибири. С этими пытливыми людьми не раз приходилось встречаться путешественникам и исследователям. Но до Арсеньева никто не сумел так описать таежных следопытов и показать, какие это смелые, интересные люди. Он раскрыл их душевное благородство, высокие нравственные качества, мужество. Эти люди были не только проводниками, но и близкими друзьями-наставниками В. К. Арсеньева, научившими его искусству «читать тайгу», глубже понимать жизнь природы.

Вот почему так велика художественная сила произведений Арсеньева. Накопившиеся во время путешествий наблюдения он внес в свои книги и дал замечательные описания природы — гор, лесов, рек, растений и животных. Книги Арсеньева полны лиризма, задушевности, философских раздумий. В конце книги, посвященной Дерсу Узала, есть, например, такое место: «Могила Дерсу, тающий снег и порхающая бабочка, которая с закатом солнца должна будет погибнуть, шумящий ручей и величавый лес — все это говорило о том, что абсолютной смерти нет, а есть только смерть относительная и что закон жизни на земле есть в то же время закон смерти».

Человек выше среднего роста, отличной военной выправки, с резкими, но приятными чертами лица, голубоглазый, с высоким лбом и светлыми волосами, зачесанными назад, — таким предстает перед нами облик Арсеньева в воспоминаниях знавших его людей. Владимир Клавдиевич ходил всегда быстро, движения его были энергичными. В экспедициях он обычно носил плотную шляпу с широкими полями, куртку в виде френча, а вместо сапог улы (унты). Известный полярный норвежский исследователь Фритьоф Нансен встретился с Арсеньевым в 1913 г. Арсеньев в это время заведовал Хабаровским музеем. Позже в своей книге «В страну будущего» Нансен писал, что в Хабаровском музее история и этнография страны представлены очень наглядно, «здесь есть чему поучиться, особенно под руководством такого проводника, каким является знаток этих краев и бывалый путешественник, капитан Арсеньев».

Лекции и доклады Арсеньева всегда отличались большой живостью, и слушателям было жаль расставаться как с самим лектором, так и с теми неизвестными ге-

роями — лесными людьми, проводниками, охотниками, — о которых он так увлекательно рассказывал.

Где бы он ни находился — в куце ли вагона, в кают-компании парохода или в гостях, — всюду легко и непринужденно заводил разговор и незаметно переходил на излюбленную тему — воспоминания о любимом Приморском крае и надолго увлекал слушателей.

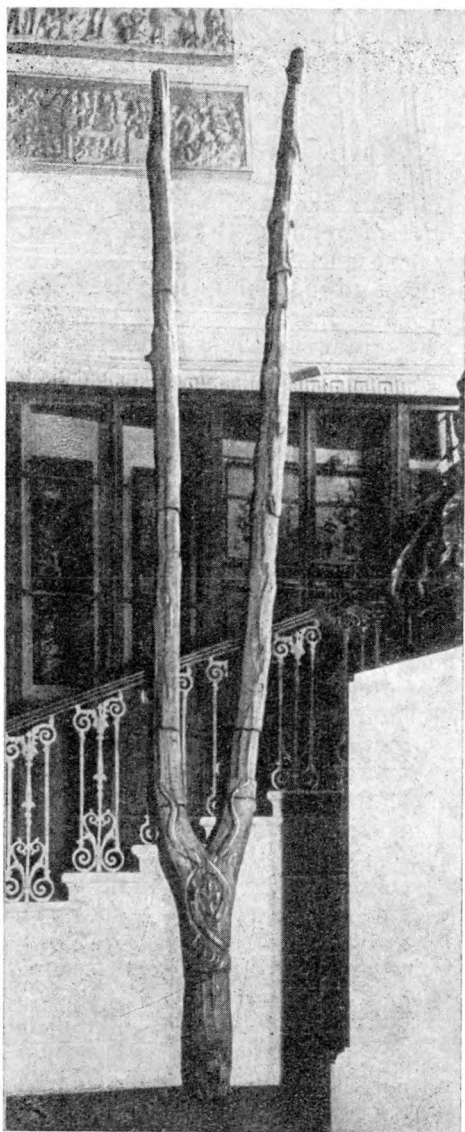
В отношениях с людьми Арсеньев был очень прост и дисциплинирован. Опозданий не терпел и сам всегда приходил вовремя. Работал Арсеньев в экспедициях и дома аккуратно и систематически. Его кабинет во владивостокской квартире располагал к работе. В большой комнате к стене между окнами был придвинут письменный стол. Перед ним стоял вертящийся стул. По сторонам стола в белых с синими росписями фарфоровых вазах росли комнатные цветы. Вдоль стен располагались шкафы, заполненные массой книг различного содержания.

Мы начали наш рассказ об Арсеньеве с того, как мальчиком пришел он в Музей антропологии и этнографии и, забыв обо всем, рассматривал собранные здесь материалы. Кто знает, может быть уже тогда у него явилась сокровенная мысль самому впоследствии пополнить музей какими-либо редкими экспонатами. Во всяком случае в музее хранится много предметов, собранных Арсеньевым. Это, например, праздничная одежда нанайцев, их обувь и украшения. Это гробница удэгейца, разные изображения духов в виде деревянных человечков с длинными носами и медвежьими головами. В 1911 г. с Дальнего Востока в музей был доставлен деревянный столб причудливой формы высотой в три человеческих роста — дар музею от Владимира Клавдиевича.

Столб этот раздвоенный, на его верхушках вырезаны две человеческие головы, а ниже — изображения двух выпуклых змей, которые переплелись телами. Если приглядеться внимательнее, то между змеями можно заметить изображение какой-то птицы. Это так называемое фигурное дерево «ту».

Арсеньев не только сумел вывезти его из далекой тайги, но и тщательно записал его любопытную историю, связанную с суевериями удэгейцев — жителей берегов реки Самарги.

Именно здесь, на мысе Золотом, около глубокого пруда и стояло это фигурное дерево, которое местные жители

Шаманский столб; на его вершинах вырезаны две человеческие головы, а ниже — изображения змей. (XIX в.).

называли еще шаманским столбом. Место это считалось запретным: шаманы сказали, что здесь обитает злой дух Окзо.

Вот что рассказали удэгейцы Арсеньеву. За несколько лет до прихода экспедиции близ пруда поселились три брата с женами и детьми. Однажды ночью одному из братьев показалось, что в пруду находится какое-то странное большое животное, похожее на тюленя. Но откуда тут мог быть тюлень? В страхе удэгеец убежал, решив, что ему показался черт.

Прошло немного времени, и в стойбище удэгейцев стали умирать от какой-то болезни дети. Призвали шамана. Долго искал он разгадку несчастья и наконец указал место, где надо поставить фигурное дерево, чтобы умилостивить злых духов. Конечно, это не помогло. Тогда люди решили, что черту понравились их жилища, и перекочевали на берега другой реки.

В музее есть еще один шаманский столб, доставленный врачом и этнографом, другом Арсеньева и участником его экспедиций, Н. В. Кирилловым. На этом столбе вырезаны пять поясов с изображениями медведей, тигров, ящериц, змей, птиц. Увенчивает его «железная птица», которая, по верованиям удэгейцев, борется со злом.

Достоянием истории стали предания о злых и добрых духах удэгейцев. Раньше же шаманы, насаждая различные суеверия, заставляли людей делать фигурные столбы. Недалеко от такого столба располагалось иногда и жилище самого шамана. Возле тропы, ведущей к нему, обычно ставили еще четыре столба с грубыми изображениями человеческих лиц. Это были духи, охранявшие дорогу. На деревьях кругом укрепляли медвежьи черепа. Здесь же стояли корнями кверху выкорчеванные пни, и на них тоже были вырезаны человеческие лица. Против входа в жилище шамана стоял большой деревянный идол с мечом и копьём в руках, а рядом — две очищенные от коры лиственницы.

В самом жилище шамана на стене обычно висел бубен с колотушкой, пояс с погремушками, шаманская разризованная юбка и деревянная маска, отороченная мехом медведя. Шаман надевал их, чтобы еще сильнее повлиять на воображение простодушных людей своего племени, за счет которого он жил, ничего не делая.

Давно уже в тайге не ставят резных столбов, давно там нет и шаманов. Все дети удэгейцев ходят в школу и, наверное, сами с интересом будут рассматривать сохранившиеся в музее идолов, которым поклонялись их деды и прадеды.

За сбор коллекций и работы в области этнографии В. К. Арсеньеву была присуждена большая серебряная медаль Музея изящных искусств. Самоотверженный настойчивый труд Арсеньева вдохновлял многих его последователей. До нас дошло несколько писем, написанных ему детьми и взрослыми. Они просили Арсеньева взять их в очередную экспедицию, предлагая свою помощь в обследовании неизвестных уголков нашей земли. Переписку Арсеньев вел большую, на все письма он считал себя обязанным ответить, всякую разумную просьбу — выполнить.

Таков в немногих чертах образ В. К. Арсеньева — неутомимого путешественника, талантливого ученого, прекрасной души человека, которого за его поэтическое описание природы Дальнего Востока можно по праву назвать певцом этого обширного, замечательного края.

АФРИКАНСКИЕ БАРАБАНЫ

Самый распространенный музыкальный инструмент на свете — это барабан. Он встречается почти у всех народов. Никакой другой музыкальный инструмент не имеет такого большого значения в повседневной жизни различных народов и во время торжественных обрядов, совершаемых у них жрецами. У африканцев, у папуасов барабан — крайне необходимый инструмент. Он звучит при любых событиях, как веселых, так и грустных. Барабанными звуками сопровождаются самые важные моменты жизни человека от рождения до смерти. Бой барабана раздается в случае болезни мужчины, его выздоровления (о женщине этого не сообщают), при рождении ребенка, на свадьбах, при погребении, на веселых праздниках, при прибытии и отъезде чужеземца.

Когда Н. Н. Миклухо-Маклай покидал в 1872 г. Новую Гвинею, папуасы, горячо полюбившие этого необыкновенного путешественника, очень жалели об его отъезде. Дол-

гие протяжные звуки барабана сопровождали корабль, на котором Миклухо-Маклай уходил все дальше и дальше в море от берегов Новой Гвинеи. Среди коллекций Миклухо-Маклая, выставленных в Музее антропологии и этнографии в зале «Народы Австралии и Океании», есть и большой деревянный сигнальный барабан папуасов и маленькие их барабаны с натянутой кожей.

Нередко барабан служил «волшебным средством» в руках северо-азиатских колдунов-шаманов или знаком королевского достоинства африканского вождя. Королевские барабаны хранились в особых хижинах, иногда вместе с сокровищами короля. Маленький африканский мальчик попал однажды в хижину, где хранились королевские драгоценности. На полу в мешках лежали золото и серебро, чудесные тонкие ткани, драгоценные камни и украшения. У стены стояло десять глиняных ламп, они ярко горели. Над лампами на стене висели два старых барабана. Мальчик с удивлением спросил, почему барабаны хранятся вместе с чудесными сокровищами. Страж, охранявший драгоценности, ответил, что барабаны волшебные: враги разбегаются в страхе, когда в них бьют.

Королевские барабаны в Африке, по местным поверьям, обладают волшебными свойствами. Если заболевает король, то бьют в барабан, чтобы болезнь прошла. Барабаны натирают кровью жертвенных животных.

У некоторых африканских племен считается, что потеря барабана в сражении позорна. Поэтому барабаны охраняют подобно знаменам в войсках европейских народов.

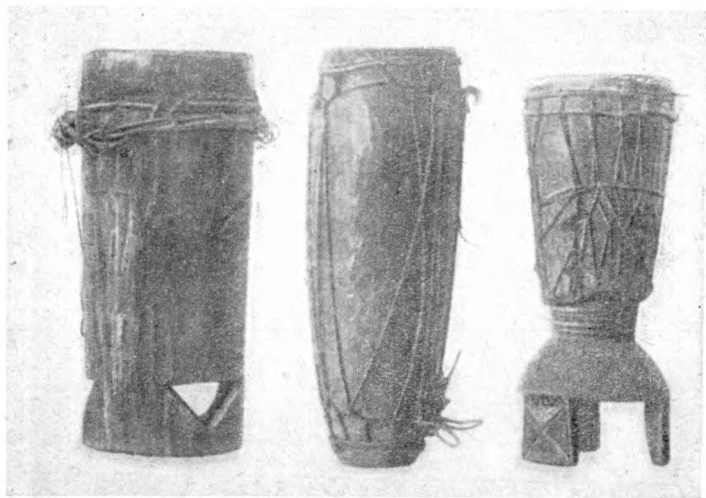
В древних африканских государствах, управлявшихся царями, все повеления передавались населению при помощи барабанного боя.

Барабаны очень широко распространены на земле. Поэтому и материалы, из которых они изготавливаются, чрезвычайно разнообразны. В лесных местностях основой для барабана служит ствол деревьев, в безлесных — глиняные горшки и даже деревянные ступки. В Индонезии, на Гавайских островах в качестве основы используют скорлупу кокосового ореха. В Западном Судане — тыкву и другие плоды. В Египте встречаются металлические, чаще всего медные, барабаны.

Для натяжки на барабаны употребляют также самые разнообразные материалы. У охотника — это кожа ан-

тилошы, тигра; у скотовода и земледельца — быка, овцы, козы и даже ящерицы. Натягивают на барабан и кожу змеи, рыбы, леопарда, уши слона, кожу из глотки акулы, кожу верблюда, оленя и буйвола, а в очень далекие времена натягивали даже человеческую кожу. В Африке на игрушечные барабаны шла кожа крыс.

Барабаны бывают самой разнообразной формы. У некоторых основа похожа на чашу или на цилиндр. Формы

Африканские барабаны. (XIX в.)

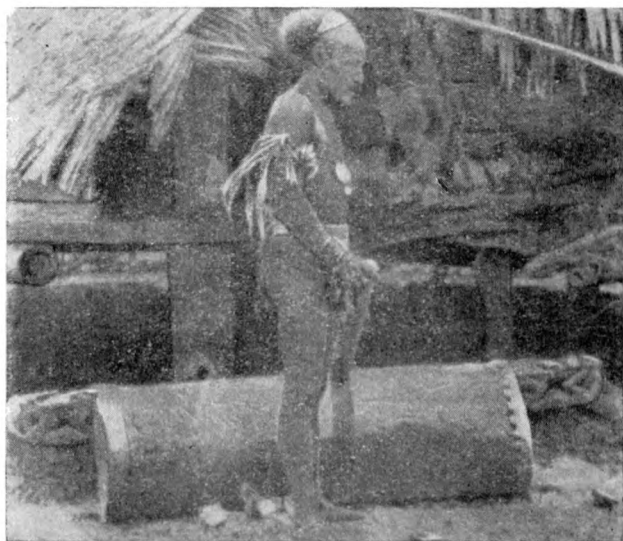
других напоминают бочку, бокал или опрокинутую горлышком вниз бутылку. Чаще всего барабаны сделаны в виде конуса — длинного или короткого. Встречаются барабаны, похожие на песочные часы, бывают и совсем плоские.

Барабаны украшают рисунками, приделывают к ним ножки, вырезанные в виде животных или людей. Прикрепляют к барабанам и ручки, за которые их можно держать.

Кожу натягивают на барабан в сыром виде. По мере высыхания она натягивается все туже и туже. От степени натяжения зависит высота звука.

Барабанщик ударяет по барабану либо руками, либо деревянными палочками.

Кроме того, в Африке, на островах Полинезии и в Центральной Америке распространены барабаны, целиком выдолбленные из дерева. Деревянные барабаны тоже разнообразны по форме и размерам. Они могут быть и

Барабан, целиком выдолбленный из дерева. (XIX в.).

небольшими — от сорока до восьмидесяти сантиметров, и громадными — от полутора до трех, а иногда до девяти метров в длину.

Изготовление барабана из дерева — дело довольно сложное. В длинном деревянном чурбаче прежде всего выдалбливают продольную щель, а затем постепенно выбивают особым теслом древесину из внутренней части бревна. Стенкам барабана придают обязательно различную толщину. При ударе палками тонкая стенка дает высокий тон, а толстая — более низкий.

Палки для таких барабанов делают длиной в метр и более из ротанговой пальмы. Ударяют по барабану одной,

двумя, а иногда целой связкой таких палок. Их вырезают в форме человеческой фигуры. Сам барабан часто украшают затейливым резным орнаментом с фигурками людей или животных, заменяющих ручки.

В начале XIX в. европейские путешественники заметили, что у многих народов различные сообщения передаются при помощи музыкальных инструментов: барабанов, флейт, дудок, колокольчиков. А сигнальные барабаны Африки стали даже называть «беспроволочным телеграфом».

Сигнальные барабаны у ряда народов Африки обычно устанавливают в центре деревни около дома, где население собирается для обсуждения разных вопросов. Если барабан находится на открытом месте, то над ним устраивают навес от дождя. Иногда большие барабаны подвешивают между двумя деревьями, а небольшие — между двумя врытыми в землю столбами.

Большое значение для успешной передачи сообщений жителям других селений имеет место, где установлен барабан. Чтобы звук был слышен как можно дальше, барабаны устанавливают где-нибудь повыше, на пригорке или на холме. Тогда звук распространяется над лесом, не встречая препятствий на своем пути. Жители селений, расположенных по берегам Конго и его многочисленных притоков, ставят сигнальные барабаны на самом берегу реки. Плоские барабаны часто устанавливают на лодках, так как звук очень хорошо распространяется по воде.

Для лучшего распространения звука нужно считаться и со временем. Лучшее время утро и вечер. В это время звук слышен далеко. Обычно передача сообщений ведется специальными барабанщиками, в обязанности которых входит и наблюдение за исправностью сигнального барабана. Вожди племени имели особых барабанщиков, пользовавшихся большим почетом.

Барабанщики при передаче сообщений пользуются специальными палками с каучуковыми наконечниками. Звуки, извлекаемые при ударе, могут быть слышны на расстоянии до пятнадцати километров. Сообщения передаются очень быстро на большие расстояния. В 1881 г. сообщение о произошедшем кораблекрушении было передано за два часа на 200 с лишним километров.

Русский путешественник В. В. Юнкер провел много лет в Африке. Однажды он увидел в одной из деревень

сигнальный деревянный барабан. Юнкер попросил пробить сигнал тревоги. Жители деревни согласились. Мужчина подошел к барабану, ударил по нему, послышался громкий гудящий звук, как будто били по пустой бочке. Минуты через две появилось человек двенадцать, через четыре — тридцать, через шесть — пятьдесят. Люди из окрестных деревень прибежали с громкими криками, оживленно жестикулируя. Через десять минут все жители были собраны. Юнкеру объяснили, что жители обязаны строго подчиняться барабанным сигналам. Если человек не приходит по сигналу тревоги, его наказывают. Для «барабанного телеграфа» служат определенные сигналы — очень точные и краткие. Сообщения, передаваемые барабанами, понятны только местным жителям. Это своеобразный и сложный способ сигнализации.

В барабан бьют, если нужно созвать жителей всей деревни. По-другому звучит барабан в случае наступления враждебного племени. Сигнал: «все способные носить оружие мужчины должны сойтись вместе» — это ряд одинаково сильных ударов, следующих на равном промежутке времени друг от друга. С помощью барабана можно сигнализировать о силах и расположении нападающих. Но во время войны барабанные сигналы может услышать и противник, переместить свои силы, и барабаном пользуются осторожно.

Бьют в барабан, если нужна помощь. Для извещения о прибытии каравана тоже существуют особые сигналы. Подают сигнал и в том случае, если в море или реке обнаружено большое количество рыбы, если хищное животное появилось в окрестностях деревни. Звучат барабаны при пожарах, наводнениях. Существуют сигналы, обозначающие, что все население деревни должно явиться на работу или на праздник с танцами. Есть условный сигнал о смерти.

Европейцу трудно научиться передавать и понимать барабанные сигналы. Легче усваиваются, конечно, те сигналы, которые звучат часто. Колонизаторы, со своей стороны, пользуются барабанами, чтобы вызывать простыми сигналами носильщиков, созывать людей на работу, чинить дороги, доставать строительные материалы, продукты питания.

В Западной Африке каждый новорожденный получает «барабанное имя», которое соответствует определенной

мелодии, выбиваемой на барабанах. Отец дает ребенку короткое личное имя какого-то родственника и его «барабанное имя». Этим он оказывает родственнику большую честь, так как память о нем будет жить в ребенке и после его смерти. Ряд «барабанных имен» передается от предков к потомкам, а свойства, выражающиеся в этих именах, касаются только самого первого его носителя. Так, если один из предков ребенка был храбрым воином, то новорожденному дают такое барабанное имя: «Куры кудахнут, птицы испуганно летают кругом», т. е. при виде этого воина все враги со страхом убежали.

Может быть такое барабанное имя: «Странно, что ты придерживаешься своего мнения, не слушая советов старших». Первый носитель этого имени был хладнокровным и сильным воином. Во время осады вражеской деревни он, несмотря на предостережения старших по возрасту, пробрался в деревню и чуть не попал в плен. Его самоуверенность отметили этой фразой, а из нее выросло позже «барабанное имя», перешедшее затем на многих его потомков.

Если нужно вызвать одного из жителей соседней деревни, то сначала дают позывные, затем выбивается имя того, к которому обращаются, далее имя вызывающего, наконец, сообщение о причине вызова. Часто тот, кого вызывают, дает ответ барабанным боем. В некоторых случаях позывные сигналы могут пропускаться. Например, когда надо собрать жителей деревни, то сначала очень медленно пять или шесть раз выбивается на барабанах слово «приходите», передаваемое двумя ударами — низким и высоким тоном. Затем идет сама передача. Далее снова повторяется слово «приходите» и вторично основная часть передачи. Все известие выбивается несколько раз.

В особо важных случаях, например при сообщении об опасности или войне, передача может быть еще короче: «Война, война, война». Наиболее важная часть сообщения всегда выделяется более медленными ударами и повторением. Для лучшего понимания передача ведется очень короткими фразами.

Передача сообщений при помощи барабанов в Африке основана на том, что многие языки там тональные. Большое значение для таких языков имеет музыкальное ударение или тон различной высоты. От правильного упо-

требления ударения зависит смысл сигнального слова и даже фразы.

От тона зависит смысл слова. От тона зависит и смысл предложения. Так, предложение «я беру копьё», «я беру копьё» и «я беру *копьё*» может получить различный смысловой оттенок. Это будет зависеть от того, на каком слове сделано ударение.

При передаче сообщений при помощи барабанов учитывают тональность языка. Различные по смыслу фразы дают различную мелодию, так как они состоят из разных слов, слоги которых произносятся тоном различной высоты. При передаче на барабанах получается чередование высоких и низких тонов, прерываемых паузами.

Если бы на всем африканском континенте существовал язык с одинаковыми тонами, то можно было бы передавать сообщения с одного конца громадной территории Африки на другой. Даже новый язык не является препятствием для передачи, если он тональный. Непреодолимой преградой следует считать те области, где распространены языки, не имеющие музыкального ударения.

В свободных странах Африки древний способ передачи сообщений на барабанах становится средством связи между демократическими организациями и населением. «Беспроволочный телеграф» барабанов всегда широко использовался прогрессивными организациями Африки. Это было тем более необходимо, что телеграф, телефон, радио находились под контролем колонизаторов. Нечего было и думать о том, чтобы послать телеграмму с сообщением о забастовке или о начале восстания. А с помощью «языка» барабанов демократическим организациям удавалось собирать народ на митинги и собрания и организовывать демонстрации протеста против империалистов. Так в современных условиях используется в Африке старый «беспроволочный телеграф».

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ НА СВЕТЕ ЛЮДИ — ПИГМЕИ БАМБУТИ

Греческое слово «пигмаиой» переводится так: «люди величиной с кулак». В произведениях древних греческих поэтов описываются битвы сказочных пигмеев с журав-

лями. Комические сценки с такими сражениями изображались на греческих вазах. В более поздней легенде о битве знаменитого героя Геракла с сыном земли Антеем тоже рассказывается о пигмеях. Геракл победил Антея и лег на землю отдохнуть. Пигмеи выползли из песка, где они жили, и напали на Геракла. Они хотели отомстить Гераклу, ведь пигмеи, как и Антей, были детьми земли.

Древние географы относились недоверчиво к этим рассказам и считали их небылицами. Но очевидно, что легенды были связаны со сведениями об африканских пигмеях, доходившими до греков из Древнего Египта. Египтяне совершали экспедиции на юг. Они торговали, вели войны, захватывали рабов и возвращались через много месяцев, рассказывая поразительные истории. И вот в третьем тысячелетии до н. э. военачальник Хуефхор, возвращаясь из похода, привез с собой карлика. На гробнице Хуефхора сохранился высеченный текст послания фараона. Вот это послание: «Выезжай на север к нашему двору немедленно. И захвати с собой этого карлика, которого ты доставил живым и в добром здравии... Когда он будет плыть с тобой на корабле, приставь к нему лучших воинов, чтобы они были рядом с ним и стояли у каждого борта судна, пусть они берегут его, дабы он не упал в воду. Когда он заснет ночью, назначь лучших людей спать рядом с ним в шатре и проверь их десять раз. Мое величество желает увидеть этого карлика больше, чем все сокровища мира».

Послание фараона содержит самое древнее упоминание о пигмеях. Но в дальнейшем их существование продолжали считать сомнительным. Лишь в 70-х годах XIX в. путешественник по Африке Г. Швейнфурт встретился в верховьях Нила и Конго с племенами пигмеев, которые считались сказочными. Через десять лет пигмеев видел русский исследователь В. В. Юнкер. Г. Стэнли, путешествовавший по реке Конго в 1887—1889 гг., тоже пишет о них. Двадцать лет тому назад много сведений о пигмеях собрал видный немецкий ученый П. Шебеста. В это же время жил среди них и американский путешественник и кинорежиссер Л. Котлоу. Как же описывают путешественники пигмеев, которых они видели? Где живут пигмеи, чем занимаются, какие у них жилища, во что они одеваются, что едят?

Племена пигмеев живут небольшими группами в тропических лесах по бассейнам рек Конго, Огове, Итури. В Африке пигмеев насчитывается около 80 тысяч. Из них около 40 тысяч живет в девственных лесах Итури. Это пигмеи бамбути, эфе и акка.

Почти весь бассейн реки Конго, равный примерно по территории Франции и Пиренейскому полуострову, вместе взятым, занят густыми влажными тропическими лесами. Здесь растут деревья высотой от 6 до 60 м, кроны их так тесно сплелись и перепутались, что солнечный свет превратился внизу в зеленоватую дымку. С одного дерева на другое перекидываются лианы, образующие канаты толщиной от 5 до 40 см. Они обвиваются вокруг стволов плотными спиралями до самых вершин, а оттуда спадают фестонами, зубцами, бахромой, образуя гирлянды великолепных цветов и причудливых листьев. Висячие лианы в беспорядке перекидываются с дерева на дерево и перекрещиваются во всевозможных направлениях. На каждом разветвлении, на каждой ветке — гигантские лишайники величиной с крупный кочан капусты и другие растения с листьями, похожими то на копыта, то на уши слона. Здесь же растут орхидеи и подобно кружевам раскиданы папоротники. Все ветки и лианы покрыты густым слоем зеленого мха. На земле всюду валяются гниющие ветки, листья, прутья. В нескольких метрах друг от друга лежат огромные деревья, поваленные бурей или расщепленные молнией. Все это опутано массой цепких и ползучих растений, зелеными побегами, колючими стеблями.

За зеленой стеной леса живут слоны, леопарды, трубказубы, редкое животное окапи, похожее сразу и на жирафа, и на зебру, всевозможные антилопы. Перебираются с ветки на ветку обезьяны — бабуины, колобусы, шимпанзе. Порхают всевозможные птицы и пестрые попугаи, поднимающие иногда оглушительную трескотню. Нередко на ветках лежит питон, а в зарослях на земле скрывается гадюка. Вечером летают летучие мыши, кричат совы, жужжат насекомые. В лесу великое множество насекомых. Если лечь на землю или присесть на сломанную ветвь, тотчас появятся насекомые. Бабочки будут залезать в рот, в уши, в глаза, пчела постарается укусить в глаз, оса гудит возле уха, громадный слепень снует перед носом. Но это еще ничего, а вот целая стая муравьев ползет к ногам. Двигающиеся в лесу по до-

роге муравьи съедают все живое: пауков, жуков, гусениц. Острыми, как ножницы, челюстями они разрезают на части насекомых и относят их голодным личинкам. Дикие звери убегают от муравьев как от самых страшных врагов. Муравьи идут огромными колоннами в несколько сот метров длиной. Остановить их может только огонь.

Пробраться по такому лесу очень трудно: колючие ветки цепляются за одежду, лианы обвиваются вокруг тела, ноги спотыкаются о корни и гниющие стволы деревьев. В этих непроходимых чащах затеряны селения пигмеев. Джунгли — это их мир. Высокорослые негры банту охотно сопровождают путешественников к своим соседям — пигмеям. Между банту и пигмеями издавна установились своеобразные отношения. Пигмеи — охотники. Они снабжают банту мясом и слоновой костью. Банту же знают земледелие, умеют плавить железо. В обмен на мясо и слоновую кость они дают пигмеям железные наконечники для стрел и копий, глиняную посуду, бананы, сахарный тростник, клубни маниоки. Пигмеи не умеют торговать и не имеют никакого представления о деньгах. Им знаком только обмен. Говорят пигмеи на языке банту.

Чтобы завязать дружеские отношения с пигмеями, путешественники должны запастись солью, пальмовым маслом и табаком. Соли в лесу нет, вместо соли пигмеи посыпают еду золой от кожуры бананов. Поэтому соль они считают величайшим лакомством.

Обычно пигмеи при появлении чужих людей скрываются в лесу. Деревня стоит пустой. Полукруглые хижины располагаются на поляне или просеке. Высота хижины метр, иногда полтора. Она сплетена из гибких прутьев, а сверху покрыта блестящими зелеными листьями. На зов проводников бамбути бесшумно появляются из леса. На первый взгляд, вид пигмеев поражает: кажется, что это дети — рост их не больше 142—150 см. Но таков и старейшина деревни, уже почтенного возраста, с морщинами на лице. С ним несколько мужчин. Кожа у них золотисто-коричневого цвета, светлее, чем у банту. На пигмеях надет только набедренный пояс из кожи полосатой окапи или просто шнур, сплетенный из лиан. К поясу спереди и сзади прикреплена набедренная повязка из мбугу — материала, изготовленного из коры дерева. Пигмеи держатся с достоинством, но застенчиво. Подарки — соль, пальмовое масло, табак — помогают налаживанию

хороших отношений. Соль пигмеи сосут, как леденцы, а остатки заворачивают в листья и уносят в хижины. Вскоре из леса появляются фигурки маленьких женщин и детей. На женщинах такая же набедренная повязка, как у мужчин, или передник. У некоторых передники сделаны

Старейшина деревни — пигмей почтенного
возраста. (XX в).

из пучков листьев. Вот они уже перестали бояться путешественников и занялись домашним хозяйством.

Большинство мужчин и женщин уходят на охоту в лес еще с раннего утра. Оставшиеся мужчины готовят материю из древесной коры. Луб, отделенный от верхнего слоя коры, раскладывают на гладком обрубке дерева и выбивают его молоточком из слоновой кости, пока он не станет мягким и тонким. Иногда луб окрашивают в пур-

пурный цвет — кипятят его для этого с ягодами и кореньями.

Женщины возятся у костров: они готовят пищу. В глиняных горшках варят маниоку с мучнистым крахмалистым клубнем, жарят в горячей золе бананы, завернутые в листья. Огонь пигмеев поддерживают постоянно. При переходе на другую стоянку они несут с собой горящие головни. А переходят они с места на место, если перебьют дичь в окружающем лесу или около деревни накопится слишком много отходов. В лесу очень сыро, воздух влажный. В сырые дни, и в особенности ночью, пигмеев греют у костра. Огонь защищает пигмеев от диких животных и спасает от насекомых.

Пока мужчины изготавливают материю, а женщины варят еду, дети пигмеев, как и дети всех народов мира, играют. Несколько ребят ловко влезли на дерево, привязали к веткам две длинных лианы. Потом они спустились, прикрепили к лианам дощечку — и получились качели. С визгом, хохотом, пением они стали раскачивать друг друга. Немного погодя девочки отделились от мальчиков. Из пучков листьев они сделали себе кукол и стали с ними играть. Девочки, подражая матерям, собирали дрова, ходили с глиняными горшками за водой, разводили костер и даже строили совсем крошечные хижины. А мальчики в это время упражнялись в стрельбе в цель. Они подкидывали в воздух бананы и старались попасть в них на лету деревянными стрелами из своих маленьких луков. Когда им надоело стрелять в цель, они начали играть в охоту на шимпанзе. Один из них изображал шимпанзе: он шел, согнув спину и подражая походке обезьяны. Другие были охотниками. Они преследовали шимпанзе, угрожали ему луком и стрелами. Шимпанзе отбивался. Наконец, охотники повалили его на землю, он отчаянно защищался, но его связали лианами. В знак победы мальчики стали дуть в охотничий рог, сделанный из слоновых зубов, и в деревянные свистульки. Мальчики охотятся и всерьез, но на мелких зверьков, например на крыс. После удачной охоты на их поясах висят пушистые длиннохвостые зверьки.

К вечеру в селение возвращаются с добычей взрослые охотники. Иногда это туша кабана и маленькой антилопы. Появление охотников встречают радостным шумом. Но не всегда охота бывает удачной. Если охотники

возвращаются без добычи, они идут молча, опустив головы. А в деревянные колокольчики, которые они привязывают на шею своим желтоватым с белыми пятнами собакам, они кладут траву, чтобы колокольчики не гремели. Собаки у пигмеев никогда не лают. Они очень вы-

Пигмей-охотник с собакой. (XX в.).

носливые, храбрые и стойко защищают жизнь своих хозяев даже от таких свирепых хищников, как леопарды.

У многих женщин, сопровождающих охотников, к бедру привязаны совсем маленькие дети. К головам женщин ремнями, сплетенными из лиан, прикрепляют большие плетеные корзины. Совершенно непонятно, как хрупкие на вид пигмеи могут носить такие тяжести. С поклажей они проходят в день 20—30 км очень быстрым шагом. Пигмейка собирает в корзину все

съедобное, что встречается по дороге. Не замедляя шага, она срывает съедобные листья с молодых деревьев, съедобные побеги, разыскивает среди буйной растительности желтые и серые грибы, собирает орехи, гусениц, съедобных змей. Собирают они и мед диких пчел, закрывая его в листья.

Охотничью добычу делят по установленным обычаям и обязательно в присутствии старейшины. Дичь кладут на листья и снимают шкуру острыми стрелами. Шкуру потом просушивают на солнце. Из убитых зверей вынимают внутренности и раскладывают на листьях. Затем начинают делить. А охотники в это время сидят тихо в сторонке, как будто все это их не касается. Первую и лучшую часть получает стрелок, убивший животное, затем владелец оружия и собаки и, наконец, остальные охотники. Чем большее участие принимал пигмей в охоте, тем больший кусок достается ему.

Полученные куски мяса женщины натывают на прутья и жарят, изредка переворачивая, над огнем. Иногда мясо заворачивают в листья и пекут в горячей золе. Потом его раскладывают на листья и едят. Как приправу к мясу едят вареные бананы, вареные листья и травы. Мясо черепах готовят с толчеными семенами тыквы. Гусениц, завернутых в листья, жарят на углях. Очень любят пигмей есть жареных термитов, приправленных бананами и клубнями.

После еды часто танцуют под аккомпанемент барабана. Пигмей — неустойчивые танцоры: ни усталость после охоты, ни плохая погода их не останавливают. Они могут под звуки барабана, трещоток, тростниковых дудок или музыкального лука плясать всю ночь напролет. Тетиву на музыкальном луке сильно натягивают и, ударя палочкой, извлекают мелодичный звук. Танцы пигмеев очень изящные, нередко они сопровождаются и пением. Танцуют как мужчины, так и женщины и дети. Во время танцев мужчины и женщины надевают украшения: на руки браслеты из коры или шкур животных, на шею надевают ожерелья из зерен, ягод или медных и железных подвесок, в волосы мужчина нередко прикрепляет костяной булавкой меховую или перьевую шапочку, а женщина украшает волосы цветами. Но самое замечательное украшение у пигмеев — это прически. Фантазия парикмахеров-пигмеев безгранична. Острым

ножичком выбривают все волосы, оставляя только узкий венчик. Или выбривают полголовы, иногда оставляют на голове спереди и сзади полумесяцы. Пигмеи — врожденные актеры. В своих танцах они показывают сцены охоты или старинной вражды между племенами. Все сцены передаются с мельчайшими подробностями. Существует танец охотников на кабана. Один танцор изображает кабана, преследуемого охотниками. Танцуя, он удаляется от охотников, но те, потрясая копьями, луком и стрелами, окружают его, стараясь оттеснить к деревьям. Там, за деревьями, должна была быть натянута крепкая сеть, сплетенная из лиан. И вот уже кабан около сети, запутался в ней, забился, и охотники делают вид, что прикончили добычу копьями.

На обезьян пигмеи охотятся с луками и деревянными стрелами. Но есть у пигмеев и стрелы с железными наконечниками. Лук и стрелы у пигмеев маленькие. Длина лука в поперечнике 100 см. Длина стрел — 39—54 см, они тонкие и легкие. Поэтому чтобы вернее поразить добычу, пигмеи применяют отравленные стрелы. Яд для стрел они изготовляют из различных растений. Впервые познакомил европейцев с луками и стрелами пигмеев известный русский путешественник по Африке В. В. Юнкер. Он привез их в Россию в конце XIX в. Они до сих пор хранятся в Музее антропологии и этнографии.

Пигмеи — очень меткие стрелки. Рассказывают, что один пигмей уже вечером, когда стемнело, сумел попасть слону прямо в правый глаз — крошечное уязвимое место в голове огромного животного. Стрела попала в цель, и слон рухнул на землю. Если бы пигмей не попал, слон растоптал бы его раньше, чем он успел бы второй раз прицелиться.

Пигмеи — замечательные, смелые охотники. Но все-таки очень трудно себе представить, как эти люди охотятся на слонов. Охотники на слонов пользуются среди пигмеев большим уважением. Встречаются пигмеи, уложившие за свою жизнь двенадцать слонов, двадцать — это уже редкость. Существует несколько способов охоты на слонов. Один такой: три или четыре охотника с копьями, с дубинками в руках и с веревками из лиан отправляются на охоту. Чтобы слоны не слышали их запаха, пигмеи обмазываются слоновым пометом. Один из охотников приближается к слону вплотную и копьём перерезает сухо-

жилия задней ноги. Слон громко трубит от боли и бросается на обидчика. Но его внимание отвлекает другой охотник. Он тоже старается перерезать сухожилия на другой ноге. Если это сделано — слон теперь далеко не уйдет. Надо его преследовать, а когда он остановится в изнеможении, то подойти к нему и отрезать хобот. Слон сразу же истекает кровью.

При другом способе охотник всаживает прямо в живот слону похожее на гарпун острое копьё с длинным древком и веревкой. Слон истекает кровью, древко и веревка цепляются за кустарники и причиняют слону невыносимую боль. И тут опять надо преследовать слона, пока он потеряет силы.

Пигмеи — мужественные, терпеливые, выносливые охотники и замечательные следопыты. В лесу пигмеи ориентируются превосходно. Пигмеи очень наблюдательны и главное прекрасно знают каждый уголок той части леса, где они родились, выросли и проводят всю жизнь. Они каждый день охотятся в лесу и знают свой участок вдоль и поперек. Вот пигмей захотел проверить, где он находится. Оглянулся и увидел огромное железное или махагониевое дерево, которое стоит тут испокон веков. Пигмей смотрит на дерево и определяет направление, как мы читаем названия улиц на табличках.

Если долго прожить с пигмеями, то первоначальное впечатление от их малого роста постепенно сглаживается и исчезает даже вовсе. Их рост превосходно гармонирует с окружающей обстановкой, с их занятиями, жилищем и оружием. Постепенно большой рост самого путешественника начинает казаться лишним и громоздким. Кажется, что именно большой рост мешает стать таким искусным лесным следопытом, как пигмей. Буржуазные ученые — патер Шмидт и его последователи — объявили пигмеев остатками первобытного человечества и наиболее отсталыми первобытными людьми, сохранившимися до наших дней. Теория эта неверная. Современные научные материалы опровергают теорию Шмидта. Советские ученые установили, что пигмейская раса, близкая по типу к негроидной, развивалась одновременно с другими человеческими расами. Поэтому пигмеев нельзя считать остатками древних людей.

Середина нашего века является временем освобожде-

ния Африки и присоединения ее народов ко всему человечеству на условиях равенства. В наше время все расистские измышления обречены на отмирание.

ТАЙНЫЕ СОЮЗЫ «ЧЕРНЫХ» ОСТРОВОВ

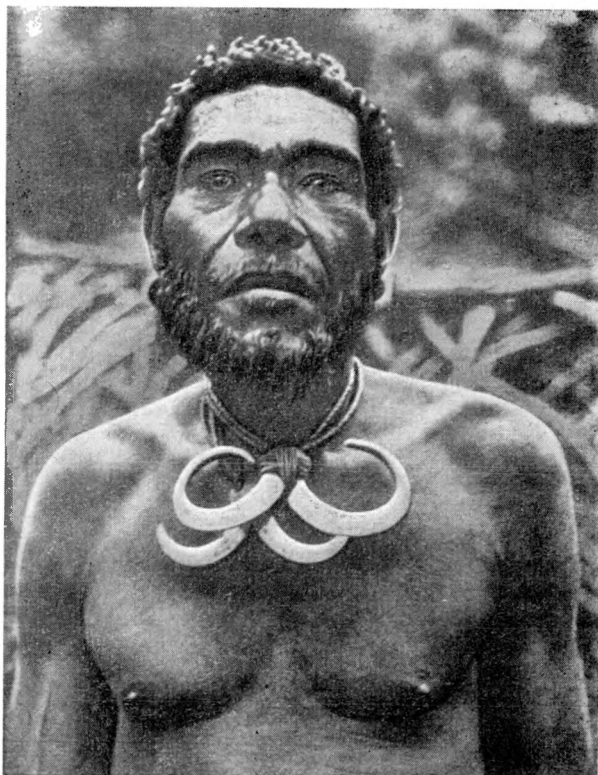
Меланезия — длинный ряд островов к северу и востоку от Австралии — покрыта густыми темными тропическими лесами. От этого, да еще от темного цвета кожи жителей, острова и получили название «Черных».

Первые европейцы, приехавшие на острова нанимать рабочих, столкнулись с людьми, жившими в каменном веке. За короткое время с конца XIX века Меланезия была разделена между Англией, Германией, Францией, Нидерландами и Австралией.

Колонизаторы принесли с собой на острова голод, болезни, жестокие нравы. Недаром меланезийцы изображают европейцев на своих рисунках только с ружьями: ружье как бы часть тела белого человека, ведь он всегда стреляет.

За годы господства колонизаторов число жителей Меланезии сильно сократилось. Пришельцы устраивали настоящие охоты на людей. Островитян насильно или путем обмана сажали на корабли и переправляли в Австралию, на Фиджи или в Полинезию. Здесь их заставляли работать на плантациях. От тяжелых условий большинство погибало. Так, из 57 тысяч меланезийцев, вывезенных в Австралию за сорок лет, на родину вернулись лишь несколько тысяч, остальные погибли. Всего полвека назад меланезийцы жили первобытнообщинным строем, и на «Черных» островах немало найдется людей, которые хорошо помнят удивительные обычаи, существовавшие в те времена. Познакомимся с одним из них. Это высокий плечистый человек с курчавыми волосами и такой же бородой, которому можно дать не более пятидесяти лет. На бедрах у него повязка из луба. Другой одежды островитяне не признают — там ведь очень жарко. Зато грудь меланезийца украшают две пары изогнутых кабаньих клыков. Он начинает свой рассказ неторопливым, чуть глуховатым голосом: «Я родился на полу-

острове Газель. Очень хорошо помню большую лесную поляну. Нам, малышам, очень нравились круглые, выпуклые огромные крыши на хижинах, покрытые пальмовыми или банановыми листьями. Бамбуковые или травя-

Меланезиец с украшением из кабаньих клыков
(XX в.).

ные стены из-за крыш почти не были видны. Узкая дверь прикрывалась пальмовыми листьями, окон не было совсем. Посредине хижины на земле помещался очаг. Вместо кроватей служили уложенные рядами стволы бамбука, на них спать вполне возможно, хотя с непривычки жестковато. Другой обстановки в жилище не было, да это

и понятно: только ночью люди приходили сюда спать, а большую часть времени проводили на открытом воздухе.

Мой отец, как и все люди в селении, работал на огородах, выращивал таро, ямс, бататы. Было у нас и несколько саговых пальм. Я никогда не видел, чтобы отец или мать сидели сложа руки. Если они не работали в поле, то отец подправлял хижину, изготавливал топоры, луки, стрелы, копыя, чаши для еды, иногда лодки и весла. Их он выменивал на рыбу у прибрежных жителей. А мать плела циновки, делала одежду из луба и готовила еду: с помощью раскаленных камней жарила свиное мясо или приготавливала особенно вкусное кушанье «лап-лап» следующим образом: очищала несколько клубней ямса и терла на куске коралла, как на терке. Получившуюся нежную белую массу она тщательно заворачивала в листья. В это время отец в яме, вырытой в земле, разводил костер, а в огонь клал камни, пока они не раскалялись докрасна. Нагретые камни он вынимал расщепленным бамбуком, а на дно ямы клал завернутую в листья массу. Сверху на листья все мы клали горячие камни и связки сухих листьев и ждали около часа, пока еда сварится. «Лап-лап» похоже на тесто. Чтобы оно было вкуснее, его поливают молоком из кокосового ореха. Ели мы, кроме того, и печеное таро, бататы, плоды хлебного дерева, рыбу, орехи, бананы, ананасы, мандарины. Камни для приготовления еды особые, их надо приносить с далекого морского побережья, поэтому каждая семья бережет их.

В свободное время мать и отец учили нас танцевать. Мы и не догадывались, для чего это нужно. Тем более мы не могли понять, почему таким вниманием был окружен отец, когда он мастерил какие-то непонятные нам вещи. Он делал что-то яркое, большое, красивое, но едва мы с братом пытались подойти ближе, он сердился и говорил, что мы все узнаем, когда подрастем.

Скоро это время пришло. Еще маленькими детьми мы иногда слышали странные жуткие звуки. Будто сказочный великан дует в пустую бочку или квакает огромная лягушка. Мы очень пугались, но потом начинали играть и забывали о своих страхах. Незадолго до того, как мне должно было исполниться двенадцать лет, из леса опять послышались ужасающие звуки. Они станови-

лись все громче и громче, а потом из-за деревьев появились страшные чудовища. Тела их были скрыты одеждами из листьев, лиц не было совсем, а вместо голов у чудовищ были длинные остроконечные маски с белыми, красными и черными полосами, переливавшимися в солнечных лучах. При виде чудовищ младшие братья забились в хижину, а я с братом, который был старше меня на год, застыли в испуге у входа. Два чудовища отделились от остальных и, подпрыгивая, приближались к нам. Я до сих пор помню, какой ужас овладел мною, когда одно из них схватило меня, а другое — брата. На наши крики из леса выбежала мать. Она собирала там сучья для очага. Мать плакала, цеплялась за нас, но чудовища были неумолимы. Они оттолкнули ее и, молча унесли нас в лес, крепко стиснув нам руки и ноги, чтобы мы не сопротивлялись. Отец нам не мог помочь: в этот день он был далеко в поле. За нами шли другие чудовища и несли детей наших соседей. Потом всех опустили на землю, завязали глаза и понесли дальше.

Когда нас поставили на ноги и сняли повязки с глаз, мы увидели, что стоим на просторной площадке, защищенной сверху изогнутыми ветвями огромного дерева. Некоторые лианы извивались по ветвям деревьев и были похожи на оцепеневших в борьбе змей. Площадку окружали обломки коралловых глыб. У подножья огромного дерева стояли деревянные барабаны. Верхняя часть их заканчивалась изображением человеческого лица с широким улыбающимся ртом и круглыми глазами. Нас поразило, что на площадке было тихо и прохладно, не дул ветер, не шевелились листья. А на лесной поляне, откуда нас принесли, светило солнце, шумел ветер, и облака бежали по небу. «Наверное нас унесли в самую середину леса», — шепнул мне брат, — «что теперь с нами сделают?».

Всех нас — восемь мальчиков — втолкнули в хижину, стоявшую среди фиговых деревьев. Чего только там не было! Но от страха я в этот день ничего не успел рассмотреть. Мы остались одни. Из глубины хижины слышался глухой старческий голос: «Мальчики, здесь вы будете жить сто дней и сто ночей. Ничего плохого с вами не произойдет, не бойтесь, только ведите себя хорошо. Сто дней вы не должны мыться, пить речную и ручьевую воду и есть свиное мясо. Пока отдыхайте!».

Звук человеческого голоса обрадовал нас. Духи-чудовища (а мы были уверены, что это духи) ушли, не причинив нам вреда. И мы, немного успокоившись, легли на бамбуковый настил, тесно прижались друг к другу и заснули. Так прошел наш первый день вдали от семьи, а за ним и другие. Людей мы не видели. Если мы начинали шуметь, из глубины дома раздавался ворчащий звук, наверное голос духа, или из-за перегородки, отделявшей часть хижины, угрожающе высовывался каменный топор. Еду нам приносил кто-то ночью. От нечего делать мы рассматривали хижину. Она мало чем отличалась от наших: такие же два очага, плоский камень — терка, наверху на столбе — деревянные крючки. На них обычно вешали корзины с едой и выдолбленные тыквы, в которых держали воду. Под самой крышей висели большие, красивые розовато-белые раковины, пестрые стеклянные бусы, странные высушенные рыбы, нижние челюсти свиней, кости, маски. Совсем такие же маски изготовлял мой отец. Только отец к ним приделывал усы и бороды из травы или волокна кокосового ореха. А эти были безусые и безбородые. Мой брат трогал маски рукой и вдруг вскрикнул. Оказалось, он уколол руку о копьё, всунутое в крышу. Я влез на столб и увидел, что в соломе, покрывавшей крышу, целый склад оружия: копьё, палицы, топоры, луки и стрелы.

Дни тянулись так однообразно, что мы совсем сбились со счета и не знали, сколько времени находимся в заточении. Но вот примерно через месяц в хижину вошел высокий старик с большой седой бородой и пучком ярких перьев в волосах. На каждой руке у него было по пяти браслетов, сплетенных из травы. Старик спросил: «Мальчики, а вы знаете, зачем вас собрали здесь в хижине?» Мы хором ответили, что не знаем. «Я вам объясню это и многое другое. Я буду приходить к вам через день или через два». На следующий день старик появился снова. Мы все удобно устроились возле него, и он начал говорить: «Ваша жизнь в хижине без родных и соблюдение запретов — подготовка к вступлению в тайный союз. Тайные союзы существовали еще у наших предков, и у нас они тоже есть. Наш союз называется Дук-дук. Дук-дук каждый год рождается, а потом умирает. До сих пор вы жили в полном неведении: ели

пищу и даже не сознавали, что это наши предки научили нас сажать растения и собирать урожай, разводить домашних животных. Они же научили нас готовить еду, строить жилища, лодки, делать оружие. Теперь вы узнали от меня, как много значат в нашей жизни предки. И с этого времени для вас начинается новая жизнь — вы как бы заново рождаетесь. Но тот, кто вновь родился, должен раньше умереть. Поэтому люди в ма-сках, изображавшие духов-предков, и унесли вас из этой жизни, оторвали от семьи и поселили в лесу. Отец ваш знает, что вы живы, а мать думает, что вас унесли настоящие духи.

Глава союза Дук-дук — тубуан. Это дух птицы. Он никогда не умирает, а если и умирает, то возрождается. Тубуаном может стать только очень богатый человек, у которого много служащих деньгами раковин или перьев. Он имеет большую власть и управляет всеми членами союза. Они его слушают беспрекословно. Непослушных и строптивых тубуан раньше убивал — подсыпал им яд в пищу. Теперь непослушных наказывают штрафом. Когда вы вступите в союз, то сразу почувствуете, как изменится ваша жизнь. Вы сможете участвовать в праздниках и пирах. Если вас обидит человек, не посвященный в тайны союза, то тубуан и весь союз возьмут вас под защиту. А силы союза не ограничены. Вы можете зайти в любой двор, на любое поле и взять все, что хотите. Вы можете потребовать у непосвященного денег, и он обязан дать их. Иначе он навлечет на себя месть всего союза. Ваши же поля, кокосовые пальмы, плодовые деревья будут находиться в неприкосновенности. Тубуан об этом позаботится. Он отметит ваши поля и деревья особым знаком: пучком травы, сплетенными листьями или поставит возле дерева ярко окрашенную кокосовую чашу. Вы заплатите тубуану за это немного раковинных денег и можете быть спокойны за свое имущество. Горе тому, кто нарушит запрет тубуана: весь союз будет ему мстить. Но запомните: обо всем, что я вам рассказываю, вы должны молчать. Тайн союза нельзя выдавать непосвященным. Вы не должны говорить о месте, где собираются члены союза, о времени праздника. Раньше, если непосвященный случайно оказывался на месте сбора, его убивали. За выдачу тайн союза тоже карали смертью. Теперь берут огромные

штрафы. Хорошенько запомните, что вы должны молчать обо всем, что увидите и услышите».

Через два дня из-за перегородки послышался глухой жуткий звук. «Опять голос духа» — испугались мы и сбились в кучу. Но через минуту голос духа смолк, и мы услышали голос старика: «Идите сюда, не бойтесь». В перегородке отворилась маленькая дверь, и мы в страхе вошли. Наш старик — вот он. А где же духи? Мы ведь только что слышали их голоса. Духов не было. Но вот старик начал вращать небольшую плоскую дощечку, привязанную к веревочке, и сразу загудел глухой голос духа. «Вот это интересно! Значит никаких духов и нет», — шепнул я брату. Потом старик подошел к кокосовым чапам. Они стояли на земле и были наполнены водой. Старик взял длинную бамбуковую трубку, один конец ее сунул в воду, другой приставил ко рту. Послышалось ужасное кваканье огромной лягушки, а потом странное ворчание, жужжание.

«Теперь вы знаете, что такое голоса духов, — сказал старик, — но непосвященные не должны об этом знать. Пусть они думают, что это голоса настоящих духов и боятся нас, членов тайного союза».

В следующий свой приход старик повел нас в лес. Довольно скоро мы увидели длинную и узкую хижину. Старик рассказал, что раньше члены тайных союзов собирались в таких огромных хижинах. Здесь же ночью спали бойцы с оружием под головой, готовые вскочить и ринуться в бой при малейшем знаке тревоги. Мы вошли и, привыкнув к темноте, увидели на стенах множество масок: длинных, острых с пучками пестрых перьев или круглых, небольших с перьями какаду. Одна маска изображала забавного человека с тоненькими руками и ногами, ожерельем на шее и острой шляпой. На другой, раскрашенной красной, зеленой и черной краской, виднелось треугольное человеческое лицо. Некоторые маски были очень страшными на вид: вместо глаз у них были вставлены перламутровые раковины, они злоеще поблескивали в темноте; лица были звериные, рты оскалены. «Это маски членов союза, — сказал старик, — и у вас будут такие же. Наши маски небольшие, а у соседей, живущих в горах, маски громадные. Это самые большие у нас на островах маски (длиною до 45, а шириной до 3—4 м). Они очень тяжелые, одному человеку

их не поднять, и носят их носильщики, поддерживая палками». Он еще раз повторил, что несвященные ничего не должны знать о тайнах союза, а если они будут нас спрашивать о чем-нибудь, то надо рассказывать исто-

Маска тайных союзов. (XIX в.).

рии о духах и их голосах пострашнее. Мы вернулись в свою хижину, и старик велел нам плести циновки из листьев пандануса и вырезать флейты из бамбука. Работу нашу он проверял, хвалил, если было сделано хорошо, ругал — если плохо.

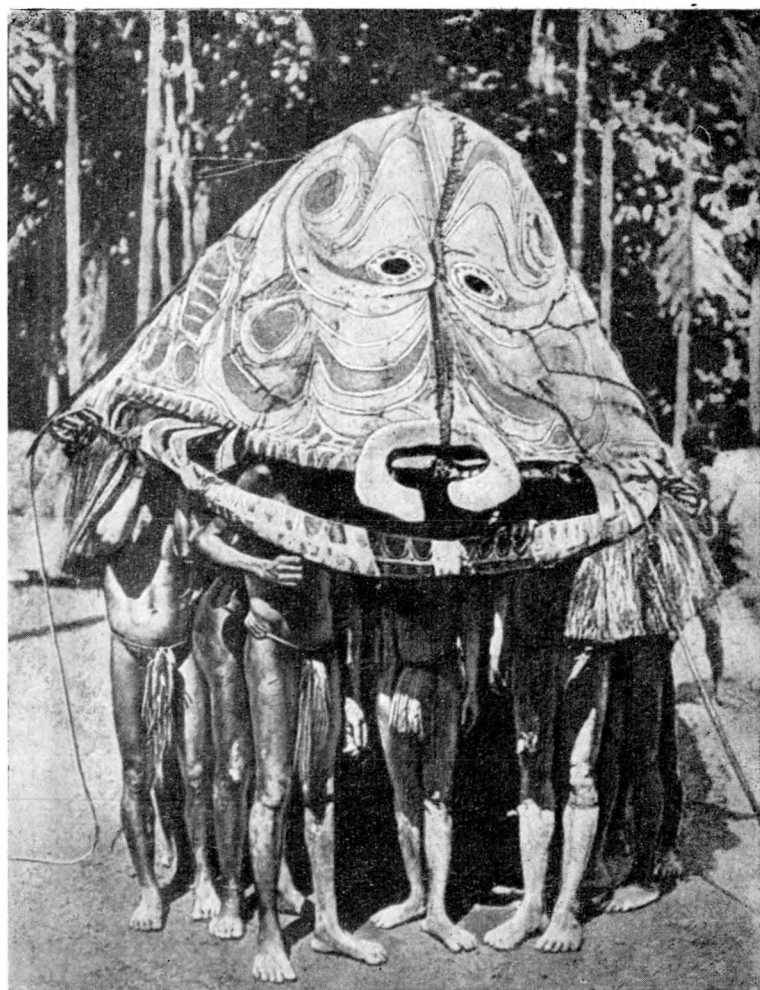
Однажды он попросил нас потанцевать. Мы исполнили его просьбу. «Ты танцуешь лучше всех, — сказал он брату, — учи остальных». И каждый день брат пока-

зывал нам все новые и новые танцевальные движения. Старик научил нас раскрашивать тело известью, охрой, углем; мы умели плести из листьев кокосовой пальмы ножные и ручные браслеты, делать праздничные прически. Свои курчавые волосы мы взбивали так, что они стояли над головой как облако. В волосы вставляли деревянные резные гребни, пучки красных и желтых перьев, пестрые цветы. Выглядели мы с этими украшениями очень красиво и радовались этому.

Так прошло три месяца, и наступил торжественный день вступления в союз. Утром раздался громкий лающий крик. Мы знали уже, что это кричит тубуан, возвещающая о празднике. В хижину к нам вошли восемь человек, среди них мы с братом увидели своего отца. Как мы ему обрадовались! Нас вывели из хижины и посадили в круг на земле. Снаружи стены нашей хижины были украшены разноцветными циновками, а неподалеку стояли большие деревянные столы, которые ломились от множества различных кушаний — свиного мяса, печеного таро, рыбы, бататов, бананов, апельсинов.

Вдруг опять послышался крик тубуана, и он в наряде из листьев, в маске, с палкой в руке вскочил в наш круг и начал осыпать нас ударами, колотя палкой направо и налево. Мы закричали от боли, но нас не было слышно из-за оглушительного грохота барабанов. Так продолжалось довольно долго. Наконец, тубуан выбежал из круга и начал танцевать, к нему присоединилось множество людей в таких же нарядах. Танец под звуки барабанов, флейт, бамбуковых труб, погремушек из орехов становился все стремительнее. Площадка постепенно наполнялась людьми. Появились женщины, дети, и мы увидели в толпе нашу мать и троих братьев.

После танца наши отцы и дяди передали тубуану и другим членам союза много раковинных денег. Это была плата за наше вступление в союз. Затем веселье возобновилось. Танцоры, встав парами в длинную вереницу, очень похоже изображали путливую птицу-носорога. Каждый из них держал зубами вырезанную из дерева и окрашенную голову птицы, руки же спрятал за спиной. Все движения, имитировавшие движения птицы-носорога, были беспокойны и торопливы. Под конец танцоры громко вскрикнули и убежали, шурша своими нарядами из листьев, совсем как птица крыльями.

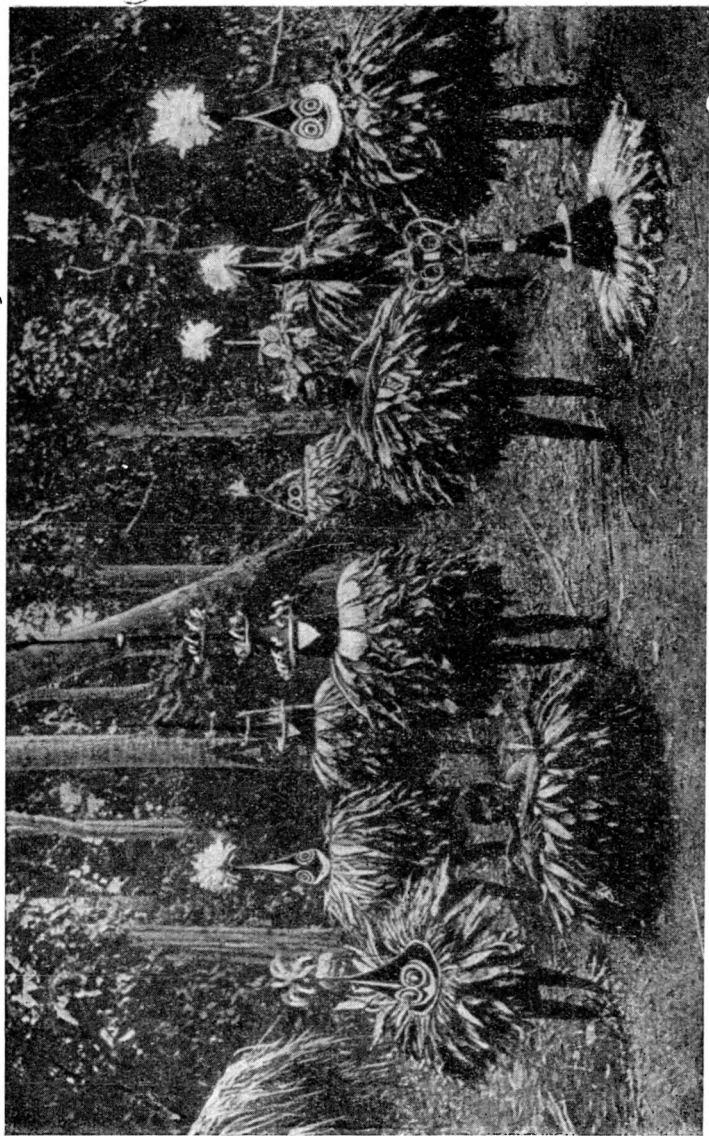
Огромная маска тайного союза с «Черных» островов. (XIX в.).

Потом пришла наша очередь. Отцы принесли нам костюмы из листьев и маски, которые они изготовили за время нашего отсутствия. Переодевшись в хижине, мы тоже начали танцевать. Танцевали мы долго и хорошо — недаром так много учились. После быстрого танца мы в полном изнеможении повалились на землю, но нас подняли и повели к столам. И началось замечательное угощение. Мы были уже полноправными членами союза. Снова начались танцы, пение — и так всю ночь, до утра. Тубуан появлялся еще несколько раз то в одном, то в другом наряде, очень искусно танцевал, пел, но больше не бил нас. Отец объяснил нам тогда, что бить палками вступающих в союз полагается издавна. Считается, что после этого они будут хорошо расти.

Ранним утром тубуан вместе с нами, своими вновь рожденными детьми, и другими членами союза сел в празднично украшенные лодки, и мы медленно поплыли вдоль берега. На нас смотрели жители нашего и соседних селений. Днем опять был пир, и так продолжалось более недели. Члены союза в масках, в костюмах из листьев ходили в эти дни по хижинам и требовали раковинных денег, еды. Все, боясь мести союза, беспрекословно отдавали требуемое.

Наконец, праздник кончился. Многие маски разорвали, разобрали на кусочки, костюмы тоже. Более ценное — маски из дерева, из человеческих черепов — спрятали в хижине в лесу. Считалось, что Дук-дук умер до следующего года, когда он возродится вновь. А нас теперь считали взрослыми, и мы стали работать в поле наравне с другими. Прежде всего нам надо было отработать вступительный взнос. Наш долг с братом был еще невелик, а соседским мальчикам, родители которых были менее состоятельными, пришлось трудиться по три-четыре года, чтобы, наконец, полностью рассчитаться с союзом». Этим меланезиец и закончил свой рассказ.

Долгое время тайные союзы «Черных» островов были окутаны для европейцев мраком неизвестности. Нередко европейским путешественникам нарочно рассказывали выдуманные страшные истории, чтобы не выдавать настоящих тайн. Но благодаря неутомимым исследованиям путешественников Ф. Шпейзера, П. Паркинсона и других мы узнали правду о тайных союзах. Почему же они возникли?

Члены тайного союза Дук-дук в масках и костюмах из листьев. (XIX в.).

В борьбе за существование меланезийцы должны были затрачивать массу энергии и труда. Тем не менее при всем старании, с которым они занимались земледелием, рыбной ловлей, охотой, им часто грозил голод. Собственной жизненной силы не хватало им в борьбе за существование. И они считали, что только предки могут научить, как выжить, как прокормить свою семью. Жизненную силу предков меланезиец видел в их изображениях, черепаках, масках, в обрядах тайных союзов. Казалось, что жизненная сила предков, сливаясь с собственной энергией меланезийцев, дает возможность жить. Как видно из последнего, у меланезийцев корни религии кроются не в боязни смерти и благочестивом почитании предков, а в заботе о ежедневной пище.

Все обряды тайных союзов меланезийцы передавали с мельчайшими подробностями из поколения в поколение. Но смысл их постепенно ускользал, появлялось что-то новое. Так и союз Дук-дук со временем превратился в террористическую организацию, главная цель которой — обогащение ее членов.

Тайные союзы до сих пор существуют, например, в глубинных районах Соломоновых островов. И будут еще, видимо, существовать, пока Меланезия не обретет подлинной независимости и свободы. Подобные союзы на руку колонизаторам. Они помогают разделять народ и властвовать над ним.

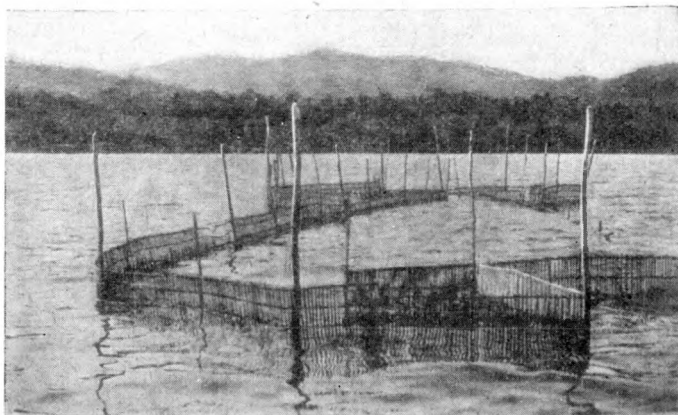
А необыкновенные маски тайных союзов с островов Меланезии до сих пор хранятся в бывшей Петровской Кунсткамере. Здесь и забавный человек, и коническая маска союза «Дук-дук», и маска из настоящего человеческого черепа.

КАК ЛОВЯТ РЫБУ НА ОСТРОВАХ МЕЛАНЕЗИИ

Раннее утро, но солнце уже ярко светит. Коричневые лодки столпились неподалеку от острова на гладкой, ослепительно синей поверхности моря. Мужчины, смуглые, почти черные, стоя в лодках или по колено в воде, торопливо вытаскивают сети и перекладывают в лодки сверкающую серебром добычу. Такую необычайно яркую и красивую картину нередко можно видеть у островов Ме-

ланезии. Прибрежные жители меланезийских островов — искусные рыболовы. Рыба для них — и еда, и средство обмена. На рыбу они могут выменять у жителей, живущих в глубинных районах, таро, ямс, бататы, саго, кокосовые орехи, плоды хлебного дерева, бананы, апельсины.

Жители Меланезии знают много способов рыбной ловли. Можно, пожалуй, сказать, что они применяют все существующие в мире методы рыболовства. Ловят акул,

Ловушка для рыб на островах Меланезии. (XIX в.).

тунцов, сарганов (щук с зелеными костями), макрелей, летающих рыб, угрей, иглокожих скатов и других рыб. Благоприятное время для ловли определенных видов рыбы меланезийцы устанавливают по положению звезд на небе.

На разных островах жители используют различные способы ловли рыб. У коралловых рифов, окружающих острова, в мелкой воде рыбу добывают острогой или убивают стрелой из лука. Брошенная меткой рукой острога с заостренными деревянными зубцами, обсидиановым наконечником или остриями иголок ската вонзается и поражает добычу. Так же метко убивают рыбу островитяне из лука стрелой. Лук сделан из пальмового дерева, стрелы из тростника с деревянными и костяными наконечни-

ками. Тщательно прицелившись, рыбак стреляет в рыбу, и промахов у него почти не бывает.

На островах Меланезии при сильном ветре ловят рыбу с помощью воздушного змея. Небольшая лодка, выдолбленная из целого ствола дерева, с бревном-балансиром для большей устойчивости плывет по морю. Корпус лодки изогнут, нос торчит вверх, на нем вырезаны пестро раскрашенные фигурки духов-хранителей — они должны защищать рыбаков от злых морских духов; корма украшена просверленными раковинами. В лодке два человека — один гребет веслом с широкой, похожей на ланцет, лопастью, украшенной черно-красным рисунком; другой сидит, скорчившись, у кормы и следит за змеем. Если змей еще в лодке, то веревка для запуска длиной в 60—80 м накручена на палку, чтобы она не запуталась. Сам змей сделан из легких высушенных пальмовых или банановых листьев, иногда с каркасом из бамбука. Для красоты по краям листьев вырезают зубцы. При запуске веревку крепко привязывают к лодке или держат ее в руке, а к хвостовой веревке длиной от 40 до 50 м прикрепляют приманку. Змей высоко взвигается в воздух. Лодка медленно движется против ветра. Хвостовая веревка с приманкой-коконами гусеницы или большим клубком паутины скользит по воде и приманивает хищных рыб. Рыба хватается за приманку и попадает: паутина такая клейкая, что клюнувшая рыба застревает в ней челюстями и жабрами и освободиться уже не может. Иногда к хвостовой веревке прикрепляют крючок, или приманка маскирует петлю, которая затягивается, когда рыба клюет. Ловля рыбы со змеем очень удобна, так как ветер относит змея с наживкой далеко в сторону, и ни рыбак, ни лодка не могут испугать рыбу. Кроме того, из-за порывистого полета змея приманка все время двигается, и это привлекает рыбу.

Небольших рыб и мелких морских животных ловят паутиной дугой. Сделана она из тонкого изогнутого прута со связанными вместе концами. Получившаяся дуга размером около 90 см сплошь покрыта паутиной материей. Изготовление материи из паутины происходит следующим образом: человек идет по лесу с расщепленной бамбуковой палкой и снимает паутину, попадающуюся по дороге. Нитки накладываются одна на другую, склеиваются и образуют плотную и прочную материю. Ею и

заполняют дугу. Ловец с двумя такими дугами идет по мелководью и погружает их по очереди в воду то правой, то левой рукой. Рыбы приклеиваются к паутине, и рыбаку остается только собирать добычу.

Ловля акул опасна и требует большой ловкости и смелости. В Меланезии есть специальное приспособление для ловли этих сильных морских хищников. Оно состоит из куска дерева в 20—30 см длины. Концы его вырезаны в виде крыльев, а середина просверлена. Через отверстие продергивают и крепко завязывают грубую толстую веревку, сплетенную из кокосового волокна, так что образуется большая прочная петля. Рыбаки с такими приспособлениями отправляются на лодках далеко в море. В каждой лодке, кроме приспособления для ловли акул, лежит еще круг из ротанга с нанизанными на нем 12 половинками кокосовой скорлупы, просверленными в середине. Сидящие в лодке быстро гребут, а один опускает руку за борт и гремит скорлупой, как погремушкой. Звук трещотки привлекает акул. Очевидно, у этих хищниц чрезвычайно острый слух: проходит совсем немного времени, и акулы приближаются к лодке, хотя до этого их не было видно. Акула несколько раз кружит вокруг лодки, а потом поднимается близко к поверхности, поближе к трещотке. Рыбак, видя это, так ловко направляет свое приспособление, что хищник головой попадает в петлю. В момент, когда акула на треть в петле, ее затягивают сильным рывком. Акула теперь не может уйти, и рыбаку легко добить ее ударом топора или копья.

Сети на островах Меланезии достигают огромной длины — до 300 м при ширине до 2 м. Такие большие сети принадлежат всей деревне. Кроме большой общественной сети, у рыбаков есть и свои сети не длиннее 10 м. Сети сплетены из волокна, покрывающего скорлупу кокосового ореха, хибискуса, полос лианы, листьев пандануса и других растений. К нижнему краю сети прикреплены грузила из обломков коралла, к верхнему — деревянные поплавки в виде пестроокрашенных фигур рыб, черепах, крокодилов, птиц или просто дисков.

Для ловли небольших рыб применяются сачки. В большие сачки, похожие на плетеный мешок, вставляют распорки из гибких прутьев — они удерживают сачок открытым. После появления европейцев мелане-

зийцы стали нередко изготавливать сачки из противомоскитных сеток.

Рыба, которую местные жители называют таталай, держится в определенное время года в больших стаях у берега в мелкой воде. Для ловли таталай используют длинные, сплетенные из листьев кокосовой пальмы корзины. Рыбаки становятся по пояс в воде, рядом друг с другом. Корзины держат близко к поверхности. Два-три рыбака пугают рыбу, и она, спасаясь, попадает в корзину.

Всеми видами рыбной ловли занимаются только мужчины. Женщинам не разрешается даже смотреть на рыболовные снасти, а тем более трогать их. Считается, что рыбная ловля будет неудачной.

Верши изготавливают из расщепленных полос бамбука. Они имеют форму сигары со срезанными концами и по длине несколько меньше человеческого роста. Верши либо пускают плавать по поверхности воды, либо погружают в глубину на якорю с поплавками. По поплавкам владелец и находит свои верши.

Изготовление верши — довольно сложное дело. Поэтому по окончании работы на берегу моря устраивают небольшое пиршество: едят печеное таро, ямс, бананы и кокосовые орехи. При погружении верши произносят различные колдовские заклинания, чтобы обеспечить удачную рыбную ловлю. Заклинания должны не только припести хороший улов, но обеспечить хорошую погоду, умеренный ветер и спокойное море. Вершу перед погружением окрашивают красной охрой и кладут в нее травы, имеющие по местным поверьям волшебные свойства. Меланезийцы верят, что после этого рыбы будет поймано много.

Нередко рыбу ловят удочками. Леску изготавливают из растительного волокна, удилицем нередко служит прожилка листа саговой пальмы. Крючки делают из рыбьих костей, из шипов ската, из раковин, из черепаших щитов. Такие крючки и другие принадлежности для рыбной ловли в Меланезии находятся в Музее антропологии и этнографии в отделе «Народы Австралии и Океании». Крючки из кокосовой скорлупы применяются для ловли летающих рыб. Ловят их ночью при свете факелов. Сейчас на островах Меланезии железные крючки вытеснили все остальные.

Тунцов и других больших морских рыб тоже ловят удочками. Для этого выезжают в море на больших лодках с многочисленными гребцами. Легкие лодки, иногда с парусом, двигаются с большой скоростью. Они несутся по волнам так, что треть длинной лодки поднимается над поверхностью воды. Гребцы подзадоривают себя песнями, криками, гребут все быстрее и быстрее — в минуту делают до 60 ударов веслами — так они могут плыть очень долго. На лодках справа и слева укреплены длинные удилица из бамбука. На них на 30-метровой леске привязаны кусочки раковины тридакны (гигантского двухстворчатого тропического моллюска) в палец толщиной. В длинное овальное отверстие раковины вставлен острый крючок из черепахового панциря. Рыбаки так быстро гонят лодку, что крючок скользит по поверхности. Рыбу привлекает белый цвет крючка, она кидается к нему, проглатывает мнимую добычу и — попадает.

Кроме того, рыбу травят соком ядовитых растений. Для этого растения помещают в щели коралловых рифов, или внутрь маленьких рыбок кладут ядовитую траву и бросают их в неглубокую воду. Крупные рыбы, проглотившие приманку, засыпают, вода выносит их на поверхность, и они становятся добычей рыбаков.

Большинство разнообразных способов рыбной ловли на островах Меланезии известны и другим народам мира. Но один, очень своеобразный способ, знают, пожалуй, только их ближние соседи — папуасы Новой Гвинеи. Н. Н. Миклухо-Маклай пишет о нем: оказывается, что у папуасов очень подвижны пальцы ног. И папуас, стоя на одной ноге в мелком месте, пальцами другой ноги вылавливает рыбу, кладет ее в плетеную корзину и затем таким же образом ловит следующую рыбу.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕНЬГИ

Любой коллекционер увлекся бы своеобразными деньгами островов Океании. На островах Новые Гебриды, например, мериллом ценности до сих пор служат свиньи, плетеные циновки, раковины, куски черепахового панциря, иногда птичьи перья. На островах Санта-Крус —

красные перья попугая и перья голубей. На Соломоновых островах — собачьи зубы, раковины, большие браслеты. Особенно в ходу у жителей Океании мелкие шлифованные раковины, нанизанные на шнурки. Называются они «диварра».

Почему же на островах Океании появились такие своеобразные деньги? Дело в том, что здесь очень долго сохранялся первобытнообщинный строй. Но в XIX в. он начал постепенно распадаться. Жители островов сперва обменивали разные товары, которые они добывали и делали, на другие, более необходимые, которые они сами не умели делать или добывать. Например, жители побережья, занимавшиеся рыбной ловлей, обменивали рыбу на овощи: таро, ямс, бататы (сладкий картофель), или на саго, кокосовые орехи, сахарный тростник и свиней у жителей глубинных районов.

Обмен товарами часто происходил в торжественной обстановке. Местные жители старательно готовились к приему покупателей, чтобы достойно их встретить. Мужчины пересматривали свои запасы копий, налиц, меховых и волосяных поясов и красивых раковин. Приходили покупатели и садились на землю вместе с хозяевами. Затем гости доставали и клали на землю вещи, принесенные для обмена: копья, щиты, пояса, головные повязки, украшения для волос. Скоро образовывалась целая груда разных вещей. Хозяева посматривали на нее с большим интересом. Потом хозяева в свою очередь нагромождали перед посетителями то, что давали взамен. Один мужчина за другим выходил вперед, чтобы положить на землю копьё или деревянный щит, украшение или пояс. Один за другим мужчины брали из кучи, что нравилось или было им нужно. Если гости были недовольны обменом, то они начинали кричать, а иногда вступали и в драку.

На некоторых островах Океании, где обмен еще был мало развит, жители обменивались не предметами своего изготовления, а самим трудом. Строители лодок, например, жили подолгу у своих соседей-заказчиков. Татуировщики на время переходили к тем, кого они татуировали.

Постепенно обмен усложнялся. На островах и в деревнях стали специально создавать предметы для обмена. На некоторых островах делали только глиняные горшки для сбыта или деревянные блюда, сосуды для извести, гребни, браслеты, корзины, особые длинные стрелы, па-

лицы. Вещи, изготовленные в определенной местности известными специалистами, ценились дороже, чем такие же вещи из других мест. Вот такие предметы и становились по существу деньгами.

Распространенными предметами обмена были палицы. Они делались из тяжелого и прочного пальмового дерева. Длина палиц достигала одного-полутора метров. Палицы бывали круглыми, плоскими, похожими на меч, на весло, на топор. На конце палицы имелось утолщение в виде булавы, звезды или гроздьев плодов. Палица украшалась тонким резным рисунком. Применялась палица в рукопашном бою. Воин с нею не расставался. Поэтому он так заботливо отделывал и украшал свою палицу.

Очень часто предметом обмена служили циновки, сплетенные из листьев пандануса. Ими платили, их давали в приданое, приносили в подарок вождям. На островах Самоа циновки раздавали на свадьбах и похоронах. Циновки намеренно портили, чтобы их нельзя было употреблять по прямому назначению для сиденья и спанья. Испорченные таким образом циновки фигурировали тоже в качестве денег и имели довольно высокую стоимость.

Большой спрос был на красивые раковины. На них наживалось немало европейских купцов. Они привозили из Сингапура множество раковин и перепродавали их потом в 10—15 раз дороже.

На связки раковинных денег «диварра» на некоторых островах Океании можно было купить что угодно — от клубней ямса и рыбы до жены. В конце XIX в. на полуострове Газель большой лосось стоил 1 м раковинных денег, 60 клубней таро или ямса — 2 м, собака — 4—6 м, топор — 6—8 м, а большая лодка 40 или даже 100 м.

На деньги не только покупают товары. Ими платят штрафы. Их раздают при свадьбах и погребальных обрядах. Деньги дают в долг за очень большие проценты. Похищение раковинных денег рассматривается как большое преступление.

Деньги также накапливают: их собирают и хранят. Накапливались деньги для получения власти и влияния над остальным населением. Богатства хранят на виду у всех, чтобы произвести большее впечатление. В доме богатого человека развешивается, например, на стенах 50 или 70 плетеных циновок. Постепенно они портятся,

ветшают, но от этого становятся еще более ценными и служат доказательством давно собранного богатства. Накапливали и связки раковинных денег или раковинные браслеты. Они тоже висели в доме. Достаточно было сотни связок, чтобы сделать человека богатым. Некоторые богачи держали стада свиней, особенно ценились самцы с искусственно деформированными загнутыми клыками.

Богачи отдавали свои деньги в долг, а потом получали с должника сумму, почти вдвое большую. Даже свиней давали в долг. Должник, взявший свинью, попадал в тяжелое положение. Хотя долг возвращался в данном случае не в двойном размере, но вернуть его было нелегко, как нелегко вырастить второе такое же животное.

Нередко самыми богатыми людьми были вожди. Они с удовольствием раздавали свои деньги в долг и не были заинтересованы, чтобы их быстро возвращали. Дело в том, что по обычаю можно было пользоваться трудом и личным имуществом должника — его огородом, плодовыми деревьями, свиньями.

С появлением колонизаторов вожди стали поставлять своих многочисленных должников колонизаторам на плаптации, а себе присваивали деньги, которые им платили.

В настоящее время на островах Океании циновки, перья, связки раковин все больше заменяются английскими, австралийскими и американскими деньгами. Но и старые деньги все еще в полном ходу, особенно когда дело касается проведения обрядов — свадьбы, похорон. До сих пор жители Океании вносят выкуп за невесту связками раковин. Цена за невесту в начале нашего века колебалась в зависимости от знатности семьи от 20 до 150 связок раковинных денег.

На острове Яп жители и сейчас расплачиваются за покупки каменными деньгами. Яп — небольшой коралловый остров (216 кв. км) в западной части Каролинского архипелага. Нигде в мире нет больше таких денег, как на этом острове. Одним из первых написал о них великий русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. «Эти деньги лежат на берегу моря, — читаем мы в его дневнике, — покрываются ежедневно приливом, валяются на улицах и дорогах, несмотря на то, что каждый экземпляр может иметь ценность многих сотен долларов, они могут даже служить материалом для мостовых и дру-

гих построек и не быть ни украдены, ни испорчены». Миклухо-Маклай не только описал каменные деньги, но и привез их с собой. Деньги, как и все коллекции Миклухо-Маклая, хранятся в Музее антропологии и этнографии.

Круглые каменные монеты с отверстием посредине похожи на мельничные жернова. Бывают они и небольшие, и огромные — до 3—5 м в диаметре. Большие мо-

Каменные деньги острова Яп. (XX в.).

неты весят иногда 150—160 кг. Ценность каменных денег зависит от их величины и отделки. Чем больше каменная монета, чем лучше она обработана, тем дороже она ценится. Каменные деньги полируют, но резьбы на них не делают.

Хранят деньги перед хижиной так, чтобы все их видели. Владелец гордится своими большими монетами. Воровства опасаться не приходилось — такую монету украсть очень трудно и спрятать невозможно — владелец всегда ее найдет.

За покупками с каменными деньгами идут так: в отверстие просовывают палку, перекидывают монету через плечо и идут на рынок. Если монета уж очень большая, то ее перекачивают с места на место тоже с помощью палки.

На о. Яп за каменные деньги в зависимости от их величины можно купить таро или кокосовые орехи, приобрести пирогу, жену, дом, участок земли. За деньги диаметром в два с половиной метра можно купить хорошую плантацию. Даже торговцы-иностранцы принимают каменные деньги.

Сам остров Яп коралловый и на нем нет совсем камней. «Монетный двор» находится на островах Палау — в 400 км от острова Яп и на острове Гуам — на расстоянии 700 км. На этих островах в каменоломнях добывали и обрабатывали каменные деньги. Из-за большого расстояния и лучшего качества камня деньги с Гуама ценились дороже, чем с островов Палау.

Перевозить деньги было очень трудно, их везли на лодках, часто по бурному морю. Экспедиции нередко кончались несчастьем: лодки с тяжелыми камнями переворачивались — тонули и камни, и люди. Позднее капитаны европейских судов решили, что выгодно перевозить жителей острова Яп за определенную плату до Палау или Гуама, и привозили их обратно с деньгами. Жители платили владельцам судов трепангами — морскими иглокожими или копррой (высушенным ядром кокосового ореха).

В последнее время новых каменных денег больше не делают и не привозят. Но старые в полном ходу. Мелкой же разменной монетой на острове Яп служат циновки и красивые раковины.

ОДЕЖДА ИЗ ДЕРЕВА И ПТИЧЬИХ ПЕРЬЕВ

Человек стал одеваться для защиты от холода, жары, дождя, снега. Древнейшими видами одежды были плащи из листьев и древесной коры. Одежду изготовляли из шкур животных и из перьев птиц. Позднее человек научился делать ткани из ниток и стал пользоваться шпивной одеждой. Молодые и старые, бедные и богатые люди одевались с отдаленнейших времен в одежду разного покроя и разного цвета. У народов различных стран одежда и в прошлом и в наши дни чрезвычайно разнообразна.

Жители островов Океании, Индонезии, Африки, индейцы Центральной и Южной Америки носили и носят

сейчас одежду из древесины. Материал, из которого делают деревянную одежду, называется на островах Океании «тапа». Способы изготовления тапы на всех этих островах почти что одинаковы.

Тапу изготавливают из коры фикуса, хлебного или бумажно-шелковичного дерева. На стволах делают надрезы ножами или другими острыми предметами и снимают кору большими кусками. После этого отделяют луб — внутренний слой коры от наружного, очищают луб скреб-

Изготовление луба в Полинезии (XX в.).

ками и вымачивают. Затем луб раскладывают на деревянной доске и начинают ударять по нему деревянной колотушкой. Выколачивание продолжается несколько часов. Продолговатый кусок луба становится почти квадратным. Края куска обрезают острой раковинной. Их сшивают только на острове Пасхи, чаще же сбивают колотушкой, соединяя таким образом несколько кусков в большие полотнища. Иногда куски луба склеивают.

Полученный древесный материал для одежды и назывался «тапа». Его окрашивали или разрисовывали краской, добываемой из корней растений и ягод. Рисунки на куски тапы наносили специальным штампом, сделанным из листьев папоротника или из дерева. На таком штампе вырезали рисунок, на него наносили слой краски и отпечатывали на тапе. Ю. Ф. Лисянский, командовавший во

время первого кругосветного путешествия русских мореплавателей (1803—1806 гг.) кораблем «Нева», писал о рисунках на тапе: «Смещение цветов и отличное искусство в рисунке со строжайшим соблюдением соразмерности прославили бы каждого фабриканта этих тканей даже в Европе».

Из тапы делали, а в ряде мест делают и сейчас плащи, юбки, передники, шарфы с бахромой, а также коврики, покрывала. Кусками тапы пользуются для устройства походных шатров и перегородок в хижинах.

На островах Таити знатные люди, желая показать свое богатство, надевали несколько одежд одна на другую. Поэтому тапы на изготовление одежды знатного таитянина шло много. Одежда знатного вождя состояла из трех плащей, надевавшихся один на другой. Из них нижний, самый длинный, был белого, средний — красного и верхний, самый короткий — коричневого цвета. Знатные же таитянки часто обертывали вокруг бедер четыре слоя тапы белого и красного цвета и повязывались поясом, сплетенным из растительных волокон.

На островах Полинезии женщины только по вечерам носили юбку или передник из тапы, а днем во время работы они надевали юбку из растительного волокна. Бережное отношение к одежде из тапы характерно для всей Полинезии и в настоящее время. Это объясняется тем, что деревянную одежду стирать нельзя, и ее приходится оберегать от загрязнения.

В Индонезии одежду из луба для большей прочности прошивали нитями из растительного волокна. От простого простегивания индонезийцы перешли постепенно к художественному вышиванию пучками растительных волокон, окрашенных в различные цвета. На одежде часто вышивали рога буйвола и двух ящериц, обращенных друг к другу спинами. Для украшения лубяной одежды индонезийцы нашивали на нее пластинки слюды, наклеивали кусочки материи и смазывали всю одежду соком плодов «ула». От этого сока деревянная одежда становится блестящей.

После того как европейцы стали ввозить в Индонезию, на острова Океании и в Африку ткани, изготовление одежды из дерева сильно сократилось. Но все же и до сих пор некоторые народы Африки, индонезийцы и жители островов Океании продолжают носить лубяную

одежду. Местные жители, работающие в городах и на фермах, теперь, как правило, носят одежду из дешевых хлопчатобумажных тканей. Но в деревнях традиционным костюмом, как и раньше, служит деревянная одежда.

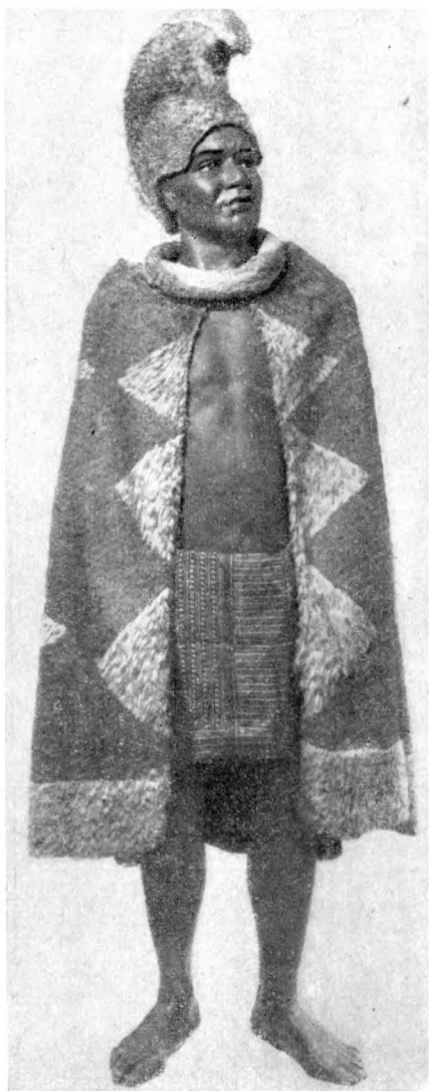
Гавайские острова на Тихом океане, открытые испанцами еще в XVI столетии, были посещены в 1778 г. знаменитым английским путешественником Джеймсом Куком. Английские мореплаватели впервые принесли известия всему миру о жителях Гавайских островов, которые носили не только деревянную одежду, но и одежду из птичьих перьев.

Для изготовления одежды из птичьих перьев мастер делал сперва основу из древесных волокон. Нити скручивали, и из них с помощью иглы приготавливалась сетчатая основа. Перо обвязывали несколькими рядами нитей, а потом этой же нитью прикрепляли к ячейке основы. Привязывали перья очень прочно: их можно было сломать, но вытащить из плаща невозможно. Плащ или накидка, изготовленные из плотно прикрепленных друг к другу перьев, напоминали костюм из мягкого и блестящего бархата.

Гавайцы делали из перьев не только плащи и шлемы, но также опахала и шейные украшения. Плащи из перьев были легкими, теплыми и очень красивыми. Цвет их алый или золотисто-желтый. Одежду из перьев делали как одноцветной, так и многоцветной с орнаментом: по красному полю располагали желтые полумесяцы и треугольники, плащи окаймляли иногда линиями из золотистых, зеленых и черных перьев. Длина плаща обуславливалась рангом его владельца. Некоторые плащи свисали до земли, другие были короче и доходили только до пояса.

К наряду вождя на Гавайских островах полагалось и опахало из перьев. Рукоятка опахала нередко делалась из костей убитых врагов. Ее украшали кусочками черепашого панциря.

Свои плащи и шлемы гавайцы делали из перьев маленьких красногрудых и желтогрудых птичек с серповидным клювом. Для изготовления только одного плаща надо было поймать несколько десятков тысяч таких птичек. Птички жили в горах. Но горные места гавайцы боялись посещать, так как считали, что в горах обитают злые духи. Только самые смелые решались охотиться за этими считавшимися священными птичками. Перья птичек были

Королевский плащ и шлем из перьев
с Гавайских островов (XIX в.).

большой ценностью. Ими пользовались в качестве денег, драгоценными перьями уплачивали дань, выменивали на них у европейцев различные товары.

Охотники хорошо знали места, где водились удивительные птички, время года, когда у птиц было наиболее пышное оперение, и их повадки. Чтобы не портить перьев, охотники не пользовались луком и стрелами. Зная, что птички очень любопытны, они прикрепляли к дереву, растущему в горах, длинный шест. Верхний конец шеста смазывали клейким соком. Птички обращали внимание на новый предмет, садились на шест, приклеивались к нему и становились добычей охотника.

Вожди гавайских племен носили плащ и шлем из птичьих перьев при выполнении различных церемоний. В более отдаленные времена этой одеждой пользовались во время военных столкновений. Одежда из перьев была прочной и служила защитой от стрел, а в какой-то степени даже и от ударов копьями. Вождь, которому удалось убить или захватить в плен своего противника, брал в виде трофея плащ и шлем побежденного.

Гавайские плащи и шлемы в Европе считались большой редкостью и ценились очень дорого. В начале XIX в. за такой плащ платили не менее 4000 рублей золотом. В наши дни плащи и шлемы с Гавайских островов хранятся в этнографических музеях различных стран. Всего в музеях Европы и Америки находится около 120 плащей из перьев.

Королевская одежда из перьев, хранящаяся в наши дни в Музее антропологии и этнографии, была доставлена в Петербург с Гавайских островов в 1810 г. директором Российско-американской торговой компании М. М. Булдаковым. Плащ и шлем из перьев, по всей вероятности, те самые, которые были подарены первым королем Гавайских островов Камеамеа I в знак дружбы одному из самых энергичных деятелей Российско-американской компании А. А. Баранову.

АВСТРАЛИЙСКИЙ БУМЕРАНГ

В австралийском зале бывшей Кунсткамеры стоит макет охотника, замахнувшегося продолговатым деревянным предметом — бумерангом.

В описаниях путешествий, в рассказах об оружии коренных жителей Австралии часто говорят о бумеранге. Похожий на согнутую палку, бумеранг, брошенный вонном или охотником, летит по кривой линии и поражает врага, зверя, птицу с неожиданной стороны. Бумеранг движется не только по кривой линии. Он еще вращается и производит при полете впечатление живого существа.

Оружие, похожее на бумеранг, было известно многим народам с давних времен. По сохранившимся остаткам наскальной живописи видно, что метательная палица вроде бумеранга служила оружием в древней Ассирии. Подобную же палицу знали древние египтяне и индейцы Южной Америки. Население Центральной Африки пользуется оружием, сходным с бумерангом, и в наши дни.

В Австралии для боевых действий употребляли тяжелые бумеранги. Их бросали на расстояние до 150 и даже 200 м. Своими острыми краями или концом тяжелый бумеранг наносил сильные ранения. Враждующие австралийцы, вооруженные бумерангами и щитами, исполняли перед боевым столкновением военный танец. Исход сражения зависел от ловкости метавших бумеранги и сообразительности уклонявшихся от их ударов. Бумеранг можно бросить так, чтобы он слегка ударился о землю. После этого он неожиданно взвивается вверх. Уклоняясь от удара, надо помнить, что оружие врага летит не по прямой, а по кривой линии. В некоторых местах Австралии употребляли бумеранг «лебединая шея». Один из его концов снабжался острием, похожим на клюв. Острым клювом можно было зацепиться за край щита противника и сразу же поразить врага другим концом.

Бумеранг — изобретение коренного населения Австралии. Путь к этому был сложным. Сначала и наверное много столетий метали во врага сук или обломок палки, прежде чем опыт поколений научил делать бумеранг. Его делают из твердого дерева — железного дерева, эвкалипта, акации. Небольшой охотничий бумеранг австралийцы изготавливают искусно. Его главная особенность состоит в том, что в полете он описывает замкнутую кривую линию и, если не попадает в цель, возвращается к ногам бросавшего. Иметь оружие, которое не пропадает, если не достигнет цели, конечно, очень удобно для охотника.

Австралийский охотник с бумерангом

Однако, как и любым оружием, бумерангом надо уметь пользоваться. Жители Австралии обучаются метанию бумеранга с раннего детства и потому достигают изумительной ловкости. Охотник, зажав в руке бумеранг, двигается медленно и с большой осторожностью, чтобы не спугнуть жертву, чаще всего птицу. Он наблюдает за силой и направлением ветра, рассчитывает расстояние и, приблизившись к добыче, метко бросает свое оружие.

Свойства бумеранга — летать по кривой, поражать жертву с неожиданной стороны, способность возвращаться при отсутствии препятствий к своему хозяину — вызывали изумление даже просвещенных европейцев. Жюль Верн писал в своей известной книге «Дети капитана Гранта»: «Подойдя к дереву, дикарь бросил красный предмет прямо вперед. Странное оружие пролетело горизонтально футов сорок (один фут равен 31 см, — *Т. III.*), затем внезапно, не касаясь земли, взлетело вверх под прямым углом, поднялось на сто футов, описало параболу и, перебив около дюжины птиц, упало к ногам охотника». Можно согласиться с тем, что бумеранги окрашивали в красный и другие цвета. При счастливой случайности бумерангом иногда удавалось убить не одну, а рикошетом несколько птиц, но убить целую дюжину было невозможно. Самое же главное преувеличение знаменитого фантаста заключается в том, что, попав в цель, бумеранг теряет первоначальное направление и обратно не возвращается.

Особенность бумеранга летать по кривой линии и возвращаться обратно к охотнику долгое время оставалась загадкой для европейцев. После внимательного изучения удалось выяснить, что изгиб, длина и ширина бумеранга не влияют существенно на своеобразие полета. Траектория полета бумеранга зависит от небольших винтообразных шероховатостей на его поверхности, а также от специальной неровности его лопастей. Бумеранг представляет собой плоский, согнутый не точно в середине удлинненный кусок дерева с острыми краями. Длина его обычно 60—70 см, ширина 4—6 см, толщина не больше 1 см, угол изгиба с вогнутой стороны, от которого исходят как бы две лопасти бумеранга, колеблется от 140 до 90 градусов.

В современной Австралии вся плодородная земля захвачена английскими колонизаторами, а леса вырублены,

редко где рассечет воздух летящий бумеранг. Коренным жителям оставлены пустыни в центре континента, где они ведут нищенский образ жизни, где угасают их национальная культура и традиции.

ВАЯНГ В ИНДОНЕЗИИ

Индонезийский театр теней, называемый ваянг, возник еще в начале XI в. и сегодня остается излюбленным зрелищем народа. Бродячие артисты переезжают из го-

Теневой театр на Яве. (XX в.).

рода в город, из села в село. Представления они дают под открытым небом. Где-либо на открытой площадке устанавливается экран. Это большой кусок белой ткани

высотой в рост человека и в несколько метров шириной. Ткань укрепляется на деревянной раме, окрашенной красной краской. За экраном кладут два ствола банана. Один, более длинный и толстый, располагают ближе к экрану, а другой — покороче и потоньше — немного подальше от него.

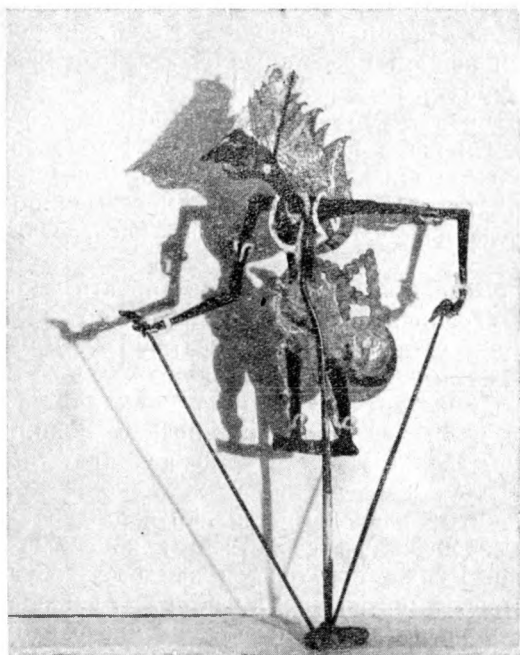
Стволы бананов используются как подмости для кукол, служащих персонажами театра ваянг. При этом в ствол, который поближе к экрану, вставляют только изображения героев и князей. Подальше от них, на втором стволе, располагаются фигурки простых людей.

Куклы для теневого театра вырезают из тонких и тщательно разглаженных кусков кожи. Размеры фигурок различные. Великаны и божества особенно большие. Мужчины больше женщин. Лица всех изображенных людей всегда повернуты в профиль.

Все герои театра ваянг делятся на положительных и отрицательных. У положительных героев линия носа прямая, она служит как бы продолжением лба. Глаза у них узкие, поставленные несколько вкось. Фигура — стройная, широкая в плечах и узкая в талии. У отрицательных героев нос отклоняется от линии лба почти что под прямым углом, волосы растрепаны, глаза выпучены, изо рта торчат иногда клыки. Плечи у них узкие, талия широкая. Руки для кукол вырезают из кожи отдельно. Они прикрепляются к туловищу тонкими проволочными креплениями. Ноги и голова остаются во время представления неподвижными. Двигаются только руки. Самыми ценными считаются куклы с большим количеством ажурных узоров. Тень такой куклы кажется кружевной. Фигурки раскрашивают в яркие цвета, а богов, великанов и героев даже золотят. Изготавливать куклы нелегко. Ажурную основу их выделывают при помощи целого набора тонких гвоздей разной длины. Персонажей в теневом театре более двухсот. И каждый из них имеет свои установленные веками очертания. Мастер должен хорошо знать особенности каждой фигурки, уметь выбирать кружевную отделку одежды, характерные профили лиц, сложные прически, чтобы зритель мог с первого взгляда отличить одно действующее лицо от другого.

Перед началом представления кукол втыкают близко друг к другу в концы банановых стволов. Сбоку кладут еще несколько отрезков из банановых стволов и втыкают

в них запасные фигурки. Все куклы разделены на два враждующих лагеря. Справа находится добрый герой со своими приверженцами. Слева — злой со своими сторонниками. В зависимости от того, к добрым или злым относятся фигурки, их поворачивают в профиль в ту или иную сторону.

Кукла теневого театра.

Все фигурки хранятся в продолговатом ящике, который разделен на два неравных отделения. В большом отделении находятся человеческие фигурки, а меньшее предназначено для хранения фигурок животных и разных предметов, используемых во время представления. Здесь имеются буйволы, лошади, козы, тигры, птицы, мечи, луки, кинжалы, ножи и др. Кроме того, тут же хранятся зонтики, письмо в конверте, глиняная бутылка, волшебная шкатулка, бамбуковые плетеные корзины.

К боковой стороне ящика прикрепляют еще несколько металлических пластинок. Артист, передвигающий куклы, ударяет в пластинки ногой, когда надо изобразить шум битвы.

Экран освещается сзади лампой, расположенной сверху между экраном и артистом. Таким образом, тень от кукол падает на экран, а артист остается невидимым для зрителей.

В театре теней нет занавеса. Вместо занавеса перед началом и концом представления за экран выставляется изображение горы с деревом.

Артист в театре теней только один. Его называют «даланг». Он же и владелец и директор театра. Даланг пользуется большим уважением среди населения. Искусство артиста теневого театра чрезвычайно сложно. Оно передается чаще всего по наследству отца к сыну.

Даланг исполняет также и обязанности дирижера. Но здесь он ограничивается только подачей знака, когда оркестр должен начинать и кончать игру. Для этого даланг держит в левой руке деревянный или роговой молоточек на длинной ручке. Если же руки заняты — молоточек подхватывается пальцами правой руки. Этим же молоточком даланг ударяет, когда начинает сам что-либо рассказывать или говорить от имени кукол.

Музыканты располагаются кружком за далангом. Музыка индонезийцев свойственны напевные мелодичные звуки. Резкие переходы в ней отсутствуют. Музыкальных инструментов много. Среди них важное место занимают ударные инструменты. В их число входят полые металлические предметы, напоминающие котлы. Их развешивают и ударяют по ним палкой, обернутой мягкой тканью. Подобные же звуки извлекают из гонгов разной величины. Небольшой продолговатый барабан является обязательным в составе оркестра. Из струнных инструментов в оркестрах почти всегда имеется скрипка «ребаб», которая приспособлена для звуков высокого регистра. Помимо того, в больших оркестрах встречаются еще флейты и анклунги. Такие анклунги могут заменить целый оркестр. Эти инструменты делаются из бамбуковых трубок разной толщины. Трубки привешиваются к раме. Когда их приводят в движение — они раскачиваются, ударяются о раму и таким образом воспроизводят мело-

дию. Нот у индонезийцев не было. Мелодии передавались по слуху из поколения в поколение.

Еще недавно во время представлений театра теней мужчины сидели отдельно от женщин. При этом мужчины занимали места с той стороны экрана, где находился артист. Поэтому они могли рассматривать и самих кукол и их тени на экране. Женщины же находились с другой стороны экрана, и им видны были только тени. Теперь этот обычай уже не соблюдается. Все зрители занимают места по своему усмотрению, но лучшими считаются места со стороны артиста. В связи с тем, что желающих смотреть тени всегда было мало, а сейчас и вообще почти не осталось, возникла любопытная теория советского ученого А. Д. Авдеева, что ваянг вовсе не теневой театр, а театр плоских кожаных кукол. Тени же на экране существуют для придания большей реальности героям. Живые люди отбрасывают тень, поэтому и фигурки героев театра как бы оживают, если их сопровождает тень.

Среди индонезийцев существует поверье, что теневой театр приносит счастье. Поэтому далангов приглашают на свадьбы. Они оказываются желанными гостями, когда посевам угрожает засуха, когда родственники хотят помочь заболевшему близкому.

Пьесы, разыгрываемые в теневом театре, часто содержат легендарные объяснения происхождения Солнца, Луны, Земли, появления живых людей. В некоторых пьесах пересказываются похождения героев индонезийских вариантов индийских эпических поэм «Рамаяны» и «Махабхараты». Пьесы эти создавались давно, имена их авторов забыты.

Представление обычно начинается так. Даланг ударом молоточка подает знак оркестру, который исполняет своего рода увертюру. После этого даланг нараспев начинает излагать содержание пьесы. Он говорит о месте, где развивается действие, знакомит с действующими лицами. В это же время он берет нужные ему фигурки, передвигает их руки и придает им соответствующие рассказу жесты. Постепенно перед зрителями в течение нескольких часов проходит целая вереница богов, героев, вельмож, раджей, принцесс, браминов, чудовищ, великанов, отшельников, воинов, волшебников и даже зверей.

Вот краткое содержание «Махабхараты», постоянно

передаваемой в пьесах теневого театра. Две семьи Пандава и Каурава враждовали между собой из-за доставшейся им по наследству земли Хастинапуры. Семья Каурава оказалась сильнее. Во враждебном им роде в живых остались только дети. Их обманным путем удалось изгнать из Хастинапуры. Когда дети из рода Пандава выросли, они при поддержке родственников и друзей потребовали, чтобы им вернули половину государства. Каурава отказали. После этого началось жестокое сражение, которое продолжалось 18 дней. Семья Каурава и их сторонники были уничтожены. Все пять братьев Пандава остались живы, но большинство сражавшихся на их стороне погибли. Победа досталась слишком дорогой ценой. Братья покинули доставшееся им государство и направились в Гималайские горы. Там в горах братья прожили отшельниками еще 12 лет.

В одной из пьес теневого театра объясняются причины отлива и прилива моря. В самой середине океана растет необычайное дерево. На нем созревают необыкновенно большие двойные орехи. Море изредка прибывает их к берегу. Среди корней дерева находится пещера. В ней огромный краб, заполняющий всю пещеру. Крабу надоедает сидеть на месте — он выходит из своего убежища. В опустевшую пещеру вливается вода, и по берегам океана начинается отлив. Но вот краб возвращается в свою пещеру. Он входит, вытесняет воду и тогда начинается прилив.

В другой пьесе говорится о происхождении гор на острове Яве. Когда-то остров был очень неровным — восточный конец его почти что упирался в небо. Боги решили исправить остров и перенести гору на его середину. В этой работе принимали участие все боги. Только один кузнец Ромадхи, ковавший оружие для богов, не принимал участия в общей работе. Боги решили его наказать. Но это им не удалось. Обломки и комья земли с переносившейся горы засыпали кузницу Ромадхи. С тех пор и происходят извержения вулканов и землетрясения. Это Ромадхи трудится в своей кузнице. Боги, уставшие от работы, решили утолить жажду, но вода оказалась ядом. Все боги, за исключением одного, погибли. Оставшемуся в живых удалось все же разыскать живую воду и вернуть жизнь умершим богам. Только после этого удалось полностью перенести гору на середину острова Явы.

В выставочном зале Музея антропологии и этнографии посетители видят даланга, сидящего с куклами традиционного театра, а на противоположной стороне плотно. На экране тени воспроизводят один из моментов сказочного сюжета. Коллекция плоских кожаных кукол в Музее очень богатая. Посетители с интересом рассматривают забавные фигурки, а художники нередко их срисовывают.

Сейчас в Индонезии существует наряду с традиционным современный теневой театр. В 1947 г., в самый разгар революции, которая принесла освобождение Индонезии от ига колонизаторов, участники Молодежного конгресса Индонезии создали новый по своему содержанию театр «Ваянг сулух». В нем действующие лица изображают обыкновенных людей. В новых пьесах рассказывается о борьбе за свободу, о государственном устройстве республики Индонезии, о задачах борьбы за процветание страны. Пьесы создаются чаще всего непосредственно во время театрального представления и изменяются в связи с текущими событиями.

В сентябре 1956 г. артисты индонезийского теневого театра приезжали в Ленинград. Среди приезжавших был даланг Видипройито из Джокьякарты. Он показал свое искусство не только в представлениях пьес теневого, но и кукольного театра. В кукольном театре действующие лица (марионетки) одеты в своеобразные национальные костюмы. Руки у них укреплены на палочках и двигаются, как и в театре теней, но экран в кукольном театре отсутствует.

ЦЕЙЛОНСКИЕ ДЕМОНЫ

Колдун прыгал, приседал, вертелся с такой быстротой, что все его красные и белые юбочки, натянутые одна на другую, раздувались колесом, как у балерины. Лицо его было закрыто страшной маской с вывороченными красными губами и сверкающими белыми кабаньими клыками. Длинный хвост из пальмовых листьев развеивался за спиной. Внезапно колдун поймал себя за хвост, взял в каждую руку по половинке и закрутился с неистовой быстротой. Потом остановился, выхватил из рук чело-

века, стоявшего рядом, два горящих факела и снова пустился в пляс. Он ревел и размахивал горящими факелами. Затем колдун взял оба факела в рот и продолжал свой танец. В темноте и тишине тропической ночи пламя, громкий рев, страшная маска вызывали ужас.

Время шло. Колдун-заклинатель все продолжал свой неистовый танец! А как же — он должен был своим танцем вылечить больного.

Жители острова Цейлон — сингальцы — верят, что болезни насылают злые демоны — ракшасы, или якхи. Если сингалец тяжело болен и лекарства не помогают, тогда зовут «чертова плясуна».

Колдун строит около дома больного хижину с восемнадцатью отделениями. Каждое из них украшено банановыми листьями и листьями кокосовой пальмы. В отделениях расставляют жертвы демонам: кокосовые орехи, бананы, рис, цветы. Делают еще изображения ракшасов из сырой глины, песка, листьев, вареного риса, цветов. Изображения бывают иногда пяти-шести метров высоты. Их раскрашивают и ставят под навес из листьев или прислоняют к дереву. В 6 часов вечера собираются родственники и друзья больного, чтобы присутствовать на церемонии. Больного выносят из дома и кладут на носилки шагах в тридцати от хижины. Бьют в барабаны. Танцор появляется в страшной маске и в фантастическом одеянии: с украшениями на голове, в переднике из листьев, в цветных юбочках или черной шкуре, накинутой на плечи. Маски колдунов вырезают из дерева и покрывают яркими синими, красными, желтыми, зелеными красками. Большинство масок делают величиной с человеческое лицо, но встречаются еще очень большие и тяжелые маски. Под глазами, нарисованными на маске, устроены прорезы, чтобы можно было смотреть. На многих масках существуют деревянные зубы, а также волосы и бороды из пучков травы. Маски, изображающие демонов, очень страшны на вид. У некоторых нет нижней челюсти, у других только один глаз. Рот большой, толстые красные губы, изо рта торчат клыки и огромные зубы. Выпученные глаза обводят полосами и придают им разное выражение: устрашающее, свирепое, печальное.

Танцоров может быть несколько. Число их уменьшается или увеличивается в зависимости от денег, уплачиваемых за церемонию. Танцор приносит первому

из восемнадцати демонов жертву, появляется из первого отделения хижины и начинает исполнять танец. На его лице маска темно-синего цвета с большим красным ртом, растянувшимся на половину лица, с огромными круглыми глазами, обведенными красным, и с двумя нарисованными кобрами, вылезавшими из ноздрей. И так восемнадцать раз в новых масках до шести часов утра под непрерывные звуки барабана колдун изгоняет из больного всех 18 демонов. Сначала он, танцуя и произнося заклинания и заговоры, приближается к больному, чтобы изгнать первого демона.

Но болезнь мог наслать и не первый, а второй демон. Колдун выгоняет и второго демона, но уже в другой маске. Эта маска большая и широкая, черного цвета с яркой желтой полосой на лбу. Глаза под желтыми бровями без зрачков и тоже желтые. Считается, что после этого все демоны переселились в танцора. Чтобы окончательно обмануть демонов, танцора кладут на носилки вместо больного и выносят его из деревни в поле, как мертвого. Через некоторое время танцор возвращается в деревню, его угощают и платят ему деньги.

На Цейлоне почти в каждой деревне есть колдун или знахарь. Но стать заклинателем дело сложное. Искусству колдовать начинают обучать с детских лет. Чаще всего мальчик, сын колдуна, узнает все тайны заклинаний от своего отца. Реже мальчик учится у постороннего человека. В таком случае ученик приходит к учителю сперва ежедневно и изучает правила танцев. К началу занятий учителю приносят в подарок рисовые лепешки, рис, приготовленный с кокосовым молоком, и бананы. От времени до времени приношения возобновляются. Затем ученик обучается заговорам и заклинаниям. Наконец, мальчик, став юношей, начинает помогать при церемониях.

Чем больше заговоров знает колдун, тем больше его ценят.

Вера в демонов на Цейлоне возникла в глубокой древности. Сингалцы издавна привыкли бороться против невидимых злых сил. Сохранились записи на пальмовых листьях, передающие из поколения в поколение заговоры и заклинания. По верованиям сингалцев, демоны живут на земле, на деревьях, в воздухе, в море. В древности ракшасы «питались» человеческим мясом и кровью, сей-

час «поедают» бананы и кокосы, которые приносят им в жертву. Если вовремя не принести жертву ракшасу, он может наслать болезнь, погубить посевы или плодовые деревья, поселить вражду в семье или сыграть еще какую-нибудь злую шутку. По своему облику демоны похожи на людей, у них есть головы, глаза, сердце, легкие, печень. Но они уродливы — у них три головы, два рта, четыре глаза, пять ног, нет пальцев на руках, а ступни вывернуты пятками вперед. На руках у них рога, шея медвежья. Демоны могут превращаться в животных: в лошадей, собак, волков, буйволов, тигров. Иногда они становятся птицами или растениями. Есть демоны с ослиными голосами, которые танцуют ночью около дома. Некоторые демоны по ночам шумят в лесу, громко смеются и пьют вино из черепов.

В легендах, передаваемых из поколения в поколение, говорится, что две тысячи лет тому назад ракшасы жили в самой середине острова Цейлон. В Индии Цейлон называют островом Ланка. По легенде, Ланка был грозным островом царя ракшасов Равана и его чудовищного войска. В знаменитой индийской поэме «Рамаяна», написанной в XVI веке, рассказывается о битве царевича света Рамы с десятиголовым Раваном и его войском. О Раване говорится в поэме:

О десяти он головах был и о двадцати руках,
И получил он имя Раван; силою внушал всем страх.¹

Десять тысяч лет совершал Раван подвиги и наконец сам отрубил свои головы и бросил их в огонь. За это главный бог Брахма наделил его такой силой, что ни бог, ни демон не мог его убить. Он мог погибнуть только от руки человека. И возрожденный десятиглавый Раван победил всех богов и подчинил себе весь мир:

Раван правит царством, как владыка всей земли,
Ему подвластны боги и народы.

Раван — демон зла, поэтому миру под его властью приходилось туго: он сжигал города, деревни, бесчинствовал, а многих богов сделал своими слугами. Все народы были в ужасе. Боги разбежались и скрывались в горных пещерах.

¹ Здесь и далее стихотворные строчки из «Рамаяны» даны в переводе академика А. П. Баранникова.

В это время в индийском городе Айодхья жил царь. У него было четыре жены и от каждой по сыну. Царь решил, что после его смерти царством будет править старший сын, Рама. Но мать младшего сына потребовала изгнать Раму, а правителем назначить младшего. Она имела на это право — после свадьбы царь обещал ей исполнить любое ее желание. И вот Рама уходит на четырнадцать лет в лес вместе со своим братом и любимой женой Ситой.

Рама завоевал Ситу, выиграв состязание. Ему удалось натянуть огромный лук. До него никому, даже Равану, это не удавалось, хоть у него и было двадцать рук.

Враждебные Раме демоны подослали в лес золотую лань. Золотистая шерсть лани понравилась Сите. Она попросила Раму убить лань и принести ей шкуру. Рама с луком бросился в погоню за ланью. В это время в лес на огромной воздушной колеснице спустился Раван. Эту чудесную колесницу Раван отнял у бога богатства. Могучий демон слез с колесница, а был он

Как целая гора из саж, дышащая без труда!
Как толстые деревья руки; головы — вершины гор.
На теле волосы — лианы, росшие с давнишних пор.
Огромный рост, и нос, и очи, и расселины ушей —
Как будто горные пещеры, глубию страшные своей.

И превратился Раван в нищего. В таком виде он подошел к Сите, схватил ее, посадил на колесницу и умчался с ней к себе на Ланку. Царь коршунов пытался задержать колесницу, но Раван отрезал ему крылья. Раненый коршун успел сообщить Раме, что Ситу похитил Раван, и умер, истекая кровью. Рама с братом пустились догонять похитителя. По дороге на юг они пришли в царство обезьян. Там обезьяний царь Бали и брат его Сугрива боролись за власть. Рама вмешался в эту борьбу и убил Бали. Сугрива сделался верным союзником Рамы и отправил войска обезьян и медведей под предводительством мудрого советника Ханумана на борьбу с ракшасами.

Кто мог бы описать то войско, выступившее в поход?
Числа медведям, обезьянам нет! И грозно рать ревет.
Оружие их когти. Держат в лапах все деревья, горы,
Несутся по земле, по небу, как хотят все, без разбору!

Войско обезьян и медведей дошло до берега пролива, отделяющего Южную Индию от Цейлона. Обезьяны принялись строить мост через пролив.

Войска обезьян и медведей переправились по построенному мосту на остров.

Начинается бой обезьян и медведей с несметными полчищами демонов. Медведи и обезьяны бросают в ракшасов каменные глыбы, деревья, откусывают им носы и уши, зарывают демонов в землю. И ракшасы, не выдержав такого натиска, дрогнули и отступили. На следующий день бой продолжался.

И, наконец, на бой выходит сам Раван. В двадцать рук он берет десять луков и...

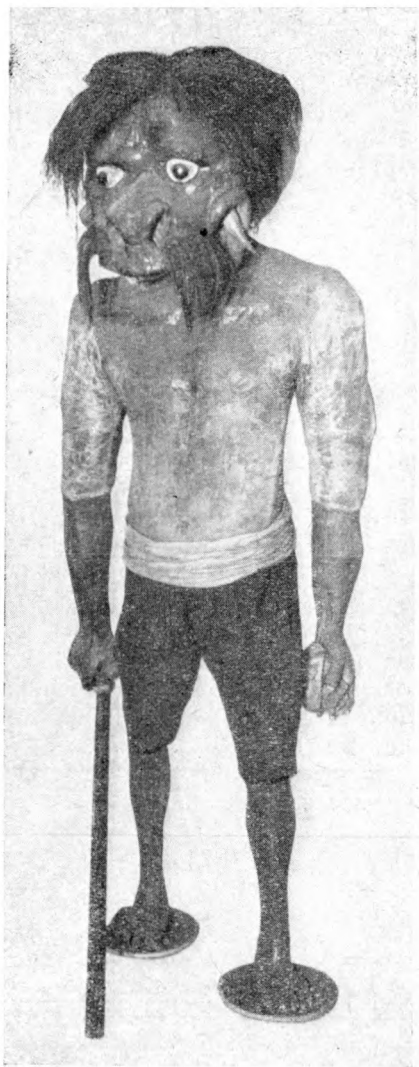
Тогда, лук натянув, пустил десятиликий много
Стрел. Как змеи полетели стрелы и разят!
Он стрелами наполнил стороны и страны, землю,
Небо. В страхе обезьяны убежать спешат.

На помощь обезьянам и медведям выходит Рама. Он натягивает лук и пускает сразу тридцать стрел. Стрелы сносят все десять голов Равана, но головы вырастают снова. Рама уже мечом отсекает головы и руки, но они растут опять. Раван вдруг бесследно исчезает, потом появляется вновь и так без конца. И вот Рама еще раз натягивает лук, выпускает тридцать одну стрелу, стрелы пронзают грудь и десять голов Равана, и он падает бездыханным. Рама встречается с Ситой и возвращается с ней и братом в свой город. Жители города безмерно рады возвращению Рамы, и он счастлив и безмятежно живет с Ситой до конца своей жизни.

«Рамаяна» переведена на все главные языки современной Индии. Эту поэму читают, поют и изучают, а в драматической переработке показывают на сцене во всех уголках необъятной Индии и Индонезии. Раму, как грозного противника — Равана, и отважного вождя обезьян Ханумана очень любят изображать индийские художники и скульпторы. Пьеса «Рамаяна», автором которой является советский этнограф Н. Гусева, идет в Центральном детском театре в Москве.

Вот, казалось бы, и весь рассказ о цейлонских демонах. Но есть к нему небольшое дополнение.

Огромный, пятиметровый деревянный ракшас стоит при входе в Музей антропологии и этнографии. В одной

Ракшас с о. Цейлона. (XIX в.)

руке ракшас сжимает дубинку, в другой держит человеческую голову из дерева. На нем короткие темные штаны, подпоясанные зеленым шарфом, и серо-розовая рубашка. Руки и ноги у него коричневого цвета. Выразительно лицо ракшаса: темно-коричневого цвета, с длинными черными косматыми волосами и бровями и торчащими ушами. Глаза у него большие, круглые и свирепые, толстые губы раскрыты и из них торчат зубы и четыре острых белых клыка.

О всех ракшасах существуют легенды. Есть легенда и о ленинградском ракшасе. Не совсем ясно, кто и как привез ракшаса в Ленинград. По архивным документам удалось установить только, что ракшаса привезли к нам в 1905 г. Стоял он сначала в Русском географическом обществе, а потом его отдали в Этнографический музей и поставили у входа. Говорят, что ленинградский ракшас стоял на Цейлоне у входа в храм, наводя ужас на верующих, и ему приносили жертвы. Его подарили русским путешественникам, бывшим на Цейлоне в 1900—1901 гг. Погрузили на пароход. Очень трудно было найти на пароходе подходящее место для пятиметрового ракшаса. Наконец, его погрузили в трюм. Но дошел пароход с ракшасом почему-то только до Китая. Здесь ракшаса выгрузили и поставили уже не перед храмом, а перед гостиницей. Китайцы ракшасу не приносили жертв, просто он возбуждал в людях любопытство и больше народу посещало гостиницу. В Китае ракшас пробыл четыре года, а потом его привезли в нашу страну. Но кто точно привез его — мы не знаем. История ленинградского ракшаса ждет еще своего исследователя.

Список литературы

- А. Д. Авдеев. Происхождение театра. М.—Л., 1959.
- В. К. Арсеньев. Дерсу Узала. Владивосток, 1923.
- А. П. Баранников. Тулси Дас. Рамайна. М.—Л., 1948.
- О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого. Изд. 2-е СПб., 1800.
- И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. II. СПб., 1840.
- К. К. Гильзен. Илья Гаврилович Вознесенский. Сборник МАЭ, т. III, 1916, стр. 1—14.
- С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX вв. М.—Л., 1954.
- Р. Ф. Итс. Цветок лотоса. М., 1962.
- Н. Е. Кабанов. В. К. Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872—1930. М., 1947.
- М. С. Колесников. Миклухо-Маклай. М., 1961.
- Л. Котлоу. Занзабуку. М., 1960.
- Г. Крыжицкий. Экзотический театр. Л., 1927.
- А. М. и Л. А. Мерварт. В глуши Цейлона. Л., 1929.
- Народы Австралии и Океании. Серия «Народы мира». М., 1956.
- Народы Америки. Серия «Народы мира», т. I. М., 1959.
- П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862.
- А. Е. Раевский. Бумеранг, его полет, секрет конструкции. Л., 1928.
- Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева, ч. II. СПб., 1802.
- Сборник Музея антропологии и этнографии, XXII. 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. М.—Л., 1964.
- А. И. Собченко. Передача сообщений на барабанах у народов Западной Африки. Советская этнография, 1952, № 1.
- Т. В. Станюкович. Кунсткамера петербургской Академии наук. М.—Л., 1953.
- В. В. Юнкер. Путешествие по Африке. СПб., 1893.
- W. Brigham. Hawaiian feather work. Bishop Museum. Honolulu, 1899.
- W. Coxe. Travels into Pôland, Russia, Sweden and Danemark. London, 1784—1790.

- A de La Motraye. Voyages en anglois et en françois en diverses provinces et places de la Prusse, de la Russie, de la Pologne etc. A la Haye, 1732.
- H. N e k e s. Trommelspache und Fernruf bei Jaunde und Duala in Südkamerun. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelm Universität zu Berlin. Jahrgang XV, Berlin 1912.
- H. N e v e r m a n n. Admiralitäts-Inseln. Hamburg, 1934.
- H. N e v e r m a n n. Masken und Geheimbünde in Melanesien. Berlin, 1933.
- P. P a r k i n s o n. Dreißig Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907.
- P. S c h e b e s t a. Die Bambuti-Pygmäen von Ituri. Brüssel, 1938, t. II.
- F. S p e i s e r. Südsee, Urwald, Kannibalen. Leipzig, 1913.
- H. W i e s c h h o f f. Die africanischen Trommeln und ihre ausserafricanischen Beziehungen. Stuttgart, 1933.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Чудес палата	5
Сокровища Кунсткамеры по рисункам XVIII века	11
Вещи шведского короля Карла XII	16
Петр I и его великан	20
Живые монстры	24
Деревянные охотничьи «шляпы»	28
Певец Дальнего Востока	42
Африканские барабаны	51
Самые маленькие на свете люди — пигмеи бамбути	58
Тайные союзы «Черных» островов	68
Как ловят рыбу на островах Меланезии	80
Необыкновенные данги	85
Одежда из дерева и птичьих перьев	90
Австралийский бумеранг	95
Ваянг в Индонезии	99
Цейлонские демоны	105
Список литературы	113

Тамара Константиновна Шафрановская

ЧУДЕС ПАЛАТА

Утверждено к печати

*Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства *И. Б. Мarmorштейн*

Художник *М. Н. Свинына*

Технический редактор *И. М. Татарина*

Корректор *Г. М. Гельфер*

Сдано в набор 27/1 1967 г. Подписано к печати
13/IV 1967 г. РИСО АН СССР № 162—108В. Формат
бумаги $84 \times 108\frac{1}{32}$. Бум. л. $1\frac{13}{16}$. Печ. л. $3\frac{5}{8} = 6,08$
усл. печ. л. Уч-изд. л. 5,77. Изд. № 3284. Тип.
зак. № 71. М-22651. Тираж 23000. Бумага типо-
графская № 2. Цена 35 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,

9 линия, д. 12

35 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"НАУКА"
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

